

12+

Олег Ашихмин

ТОНКОСТИ

Рассказы

Олег Ашихмин

Тонкости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075403

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы о том, что в жизни всё решают нюансы и детали. В любом деле есть тонкости, которые переворачивают всё с ног на голову. Даже привычную картину мира. Рассказы и истории о том, как обычная фраза, какая-то подробность или, случайно замеченная деталь, могут изменить ход событий.

Финн

Род Егора по отцу шел из казаков. Все его предки по мужской линии были с Дона. И не просто с Дона, а с Верхнего Дона, из тех самых легендарных мест, которые с таким блеском, так мастерски были описаны в добротном и колоритном романе «Тихий Дон». Егор считал, что каждый русский должен прочитать эту книгу, впрочем, как и многие другие, но именно там, без пафоса и красивых слов, очень доходчиво выведены главные устои – то, как надо относиться к труду, к семье, к ратному братству, к Родине, как прожить жизнь честно и счастливо.

Егор не верил, что «Тихий Дон» написал Шолохов. По его версии, создал этот роман, безусловно, человек, живший до революции в тех краях, наверное, с хорошим столичным, а может даже и европейским образованием, знающий и разбирающийся в вопросе, а вместе с тем, искренне любивший казачество и Донскую землю.

И, правда, до сих пор в среде филологов и лингвистов идут споры об авторстве знаменитого «Тихого Дона».

Не раз задумываясь, а точнее много думая об этом, Егор приходил к мысли, что автором романа мог быть талантливый, блестящий офицер царской армии, сгинувший в мясорубке революции, гражданской войны или став жертвой красного террора, репрессий, а может неизвестно, в нищете кончивший свой век в эмиграции в Турции, Греции или

Франции. В те лихие годы было множество вариантов, как пропасть достойному человеку.

Егор был уверен, что у рукописи, впоследствии ставшей уникальным литературным явлением, наверняка была какая-то пронзительная история. Без драмы, крови и горя тут не обошлось.

Как известно, рукописи не горят, – Но, все же! – удивлялся Егор, – Как, текст смог выжить в годы, когда рушилась империя? Был голод и война, тотальный хаос!? Когда миллионы судеб летели в топку истории? Удивительно, как вообще роман был опубликован в Советской России, ибо такой объективной оценки «красного» произвола, беззакония и безнаказанности, ни до, ни после не было, ни в одном литературном произведении?

Объяснение у Егора было только одно, – Видимо, настолько ярким, мощным и уникальным культурным событием оказался «Тихий Дон», что даже преступная, кулацкая идеология, описанная в нём, ужасы гражданской войны, не карикатурный соцреализм, а настоящие страсти, когда из местности вырезались целые семьи и станицы, даже это не помешало роману выйти миллионными тиражами в самой «залитовой» и «зарегламентированной» советской стране с ангажированными творцами.

Первый раз «Тихий Дон» Егор прочитал еще в школе. Весь масштаб произведения он тогда конечно не оценил, но ему было приятно, найти некоторые подтверждения тех ис-

торий, которые ему в детстве рассказывала бабушка. Например, что земли Верхнего Дона, на самом деле, были всегда плодороднее, нежели глинистые почвы в низовьях могучей реки, а потому, в станицах Верхнего Дона, откуда корни семьи, жили самые зажиточные и богатые казаки, неутомимые труженики и отчаянные рубаки, знавшие и звон монет, и звяканье «Георгиев» на груди. Горячий, искренний народ. Правда, и на расправу короткий.

Бабка Егора, Маруся, была пятой и самой младшей дочкой в семье. Не дал Бог Егорову прадеду Андрею сыновей в помощники. Однако, женив своих старших четырех дочерей, получил он восемь крепких рук в свое хозяйство. Прадед и без того жил крепко, а когда помог зятьям да дочкам на крыло встать: дома поставить, землей и скотиной обзавестись, то совсем семья расцвела. Жили дружно, вкалывали не разгибаясь с утра до ночи, жили себе поживали, да добра наживали.

– Вот бы ты внучёк посмотрел, какие у отца кони были! Одних только жеребцов двенадцать, да кобылок с десятков. А кони всё Орловские, – любила вспоминать Егорова бабушка. Глаза её сразу увлажнились от неумного горя. Сколько лет прошло, целая жизнь, а не простила коммунистам старая казачка ни крови родной, ни нищеты на чужбине. Раскулачили её семью, как и всех в Верховьях Дона. Однако, мелькнув в глазах, горькое мгновенье проходило. Начинали светиться мудрые почти выцветшие глаза Егоровой бабки. Горда она

была отцом своим и семьей, – Я хоть и маленькая была, – продолжала она уже с еле уловимой счастливой улыбкой на бархатном морщинистом лице, – А помню, как брал отец меня на руки и говорил, смотри Маруся какие красавцы, Орловцы! Хоть в подводу, хоть под воеводу. Слышал, внучёк, когда такое выражение?

Егор хлопал глазами.

– Это значит, что хоть воду, хоть сено в подводе на нем вози, хоть парад под генералом принимай, – объясняла она, – В работе неутомимая, Орловская порода, сильная, выносливая, статная, ну а красоты какой эти кони были, я уж и молчу, – рассказывала баба Маша, внуку в самом начале девяностых, тогда еще нищему студенту, пока смутно представлявшему, что такое частная собственность. Не та, что украли, или на откатах и распилах сколотили, а та, что заработали, острым умом и сальным потом, приумножили от отца к сыну, когда подряд несколько поколений в достатке живут, на чужое не зарятся, своим гордятся, знают цену труду и успеху.

– Каждая лошадка, внучёк – это как «мерседес» сегодня. Вот и прикинь, как мы жили. А главное, как бы мы сейчас жили, если бы не комуняки.

В то время Егор ел раз в день и по пять остановок ходил пешком до университета, а после лекций еще пять обратно. На автобус просто денег не было, вот и тренировал ноги, сердце и легкие и в дождь, и в мороз. Ох, и зла бывала сибирская зима. В семь утра, перед рассветом, мороз

достигал своего пика, а он, потомок богатых донских казаков, в заношенной старой куртке, в худых ботинках, бежал в университет, по полупустым улицам с заиндевевшими домами и деревьями. Именно бежал, потому что идти пешком, было совсем не выносимо, холод пронизывал до костей... С утра только голый чай, поэтому быстро уставал, в перепонках стучит, сердце заходится, вечно голодный, поэтому сил как в пустой батарееке, но бежать надо. Так и пробегал Егор несколько зим, тренируя не только ноги, но и волю. Круто завернулась в девяностых его жизнь, да и не только его. Отчаянье, безнадега, нищета.

Про «мерседесы» баба Маша пример привела более чем наглядный. Можно даже сказать сногшибательный. В голове Егора – это не укладывалось. По его меркам богатые люди имели «мерседес». Очень богатые два. А тут Двадцать!

Гордился Егоров прадед Андрей Ябров своими конями, да вот такая злая ирония, они-то его в сырую землю и свели.

В девятнадцатом году, когда после революции с Германского фронта Егоровские деды, те самые Ябровские зятья, кавалеры «Георгиевских крестов» и наград царских, в свою станицу вернулись, посчастливилось всем четверым с Первой мировой живыми прийти, к земле, к женам, к ребятишкам, думали они жить как прежде, пахать, сеять, скот да коней разводить, детей воспитывать, жен баловать, и все вроде стало образовываться, как однажды прискакали казаки, те, что за красных были, голытьба с Нижнего Дона в папахах с

красными околышами и начали под уздцы Орловцев со двора выводить, на нужды революции и трудового народа.

Прадед Егора был не робкого десятка, тот еще рубака и защитник Отечества. Вышел на крыльцо с винтовкой наперевес, шмальнул в воздух и приказал коней вернуть на место.

Красные всех мужиков в семье собрали и расстреляли у ворот. Коней забрали, а женщин с детьми грудными да малыши сослали в Сибирь. Так Егорова бабка, маленькая казачка, в возрасте шести лет попала в Новосибирск, где ее приютили и вырастили чужие люди. Матери её и другим сестрам повезло меньше. Все они сидели, кто-то умер в лагерях от холода, болезней и голода, а кого-то расстреляли, как кулаков и врагов народа. Судьба детей их, Егоровых теток и дядьев, неизвестна, но скорее всего, тоже была незавидна. Вот так взяла советская власть и истребила под корень целую семью трудяг, хлебопашцев и настоящих хозяев, знавших цену труду, слову, порядку и достатку.

– А сколько таких семей было? – негодовал Егор, когда подрос, оперился и кое-что в жизни начал понимать, – Сколько разорили, обобрали и поубивали. Всех лучших и самых усердных работяг коммунисты изничтожили, а теперь мы удивляемся, что в нашей стране ни у кого нет уважения ни к личности, ни к частной собственности, если их конечно с автоматами не охраняют, ни к своему, ни к чужому труду.

Егор закончил исторический факультет. Диплом естественно писал о истории Земли Войска Донского. И как ис-

торик, он прекрасно понимал, что ни одно поколение должно пожить в России при капитализме и смениться, чтобы люди хоть что-то научились зарабатывать своими мозгами, руками и свою энергию превращать в деньги. Чтобы появились крепкие семьи, не те, что разворовывали страну в девяностые, пилили бюджеты и живут в Нищце, а те, что с нуля заработали и приумножили. Только тогда появится уважение к чужому успеху, потому что оценить его и искренне восхищаться им, можно только побывав в этой шкуре, шкуре соиздателя и хозяина.

Егор как-то у бабушки спросил, – А могли девку из богатой семьи, выдать замуж за бедного казака? По любви, например. Вот, если б не революция, тебя отец мог отдать за парня из небогатой семьи?

– Нет конечно, – она даже рукой махнула, – Если они бедные, значит ленивые, ничего делать не хотят. Кто свое дите таким отдаст?

Егор прямо восхитился. Бедные, значит ленивые! Как все просто. Никакого тебе невезения, никаких тебе «Кто виноват?» и «Что делать?», нет объективных причин жить в нищете. Хочешь, делай. Работай до седьмого пота и всё будет!

После войны бабушка Егора вышла замуж, родила четверых детей, жизнь у них сложилась по-разному, но у всех были одни и те же важные черты Ябровской породы, все упиралось и хорошо учились. Все жили крепко: с дачами, «Жигулями» и «Волгами», с должностями, постами, званиями и

научными степенями, поездками в Сочи, Крым и Болгарию, а главное, все были на хорошем счету на работе, ценились как люди, и как специалисты.

– Видимо гены, – думал Егор, – Может, и бабушкино воспитание. Хотя, маловероятно, что она, маленькая казачка, могла помнить или успела впитать в шесть лет уклад семьи, отношение к труду, к инструменту, утвари и хозяйству – всё, всегда должно быть в порядке, почищено, починено и на месте. К деньгам – они должны множиться, а не спускаться. К достатку – это не манна небесная, он заработан в саленном поту. Уважение к мужчине, к кормильцу, первый и лучший кусок за столом, всегда ему, на его плечах и мозгах весь род держится...

Когда Егор, еще был маленьким, лет пяти, не больше, мудрая бабка уже тогда видела в нем казачью породу и хватку. А потому, гуляя с ним на даче, по деревенским улицам, она ему нет-нет да скажет: «Вот видишь, дед Илья какую баню поставил. Аккуратненькая, на загляденье всей деревне. Смотри, как бревна подогнал и проконопатил, венцы сложены как бетонная стена, сто лет стоять будет». Или, возьмет, да слегка построжится, «Вот ты тапки у кровати ровно поставить не можешь, а папка твой, когда был маленький, всегда свою обувь аккуратно ставил, и одежду развешивал, как положено. Вон у него и сейчас и в гараже, и на даче, и на работе, и дома во всем порядок, так, что ты милоч давай тоже смолоду к порядку привыкай». Бывало, совсем удивительные вещи от

неё слышал в детстве Егор, «У соседа нашего, дяди Гриши, жена Наталья и хороша собой, и грядочки у неё все по струночке, ни травинки, ни былинки лишней, вот такую внучек в жены брать надо, здоровую, работающую, статную, с титьками, как у Наташки, чтоб опорой и помощником тебе была, а не обузой и гирей на шее», или, «Посмотри, мать твоя, Анна, квартиру и дачу в какой чистоте содержит. Это внучёк великий труд, так, что уважай мамку, поиграл, игрушки разбросал, а теперь собирай. Чужой труд, милок, надо уважать». Егор конечно тогда толком не понимал, к чему все это его старая бабка казачка говорит, но потом, когда пришло время, все это стало родным и понятным.

– ...Значит, все-таки гены, – с удовольствием констатировал сам себе Егор.

А вот отца Егора, бабка воспитывала по-другому. На при сказки, наблюдения и разжёвывание времени у неё не было. Дед Егора, муж её, или на производстве две нормы давал, или пил с загулами и драками. Его в тюрьму не сажали только потому, что у него четверо детей было и руки золотые. Когда не пил, редкий был мастер, в общем, обычный непутевый русский мужик, бабке он был не помощник, а на ней были дом, хозяйство и те самые четверо детей, где отец Егора был старшим, то есть и за няньку, и за помощника и за мужика в доме. А ведь и бабка тоже на работу ходила. Раньше все работали.

Отец, Егору ни раз рассказывал, как уходя утром, мать его

будила и вручала листок, где было написано минимум четырнадцать-пятнадцать пунктов, что сделать за день по хозяйству: воды натаскать, дров принести, малышей накормить, огород полить, пороссятам травы дать, смородину собрать, молоко соседям отнести, в магазине очередь занять... а он сам-то, был ещё ребенок, но выбора не было, надо было все сделать точно и аккуратно, иначе после работы бабка запросто могла взять даже не ремень, а битую от городков и научить расторопности. У неё тоже выбора не было. Надо было семью поднимать. Поэтому Егорова отца никто не учил трудолюбию, аккуратности, вниманию, концентрации. Всё это было выстрадано. Он не мог сделать плохо, а потом переделать. У него просто не было на это времени. Список был такой длинный, а день такой короткий. Вот и Егору он говорил, – Прежде, чем, что-то делать, всегда хорошо подумай. И если уж что-то делать, то делай это лучше всех. Распорядится судьба быть дворником, то бери метлу и мети лучше всех, только так есть шанс вылезти и чего-то добиться в жизни. Мозги, усердие и трудолюбие. Другого пути нет.

Бабкина казачья кровь в отце говорила всегда. От природы сильный, статный, выносливый, точный и аккуратный, упертый и несгибаемый, за словом в карман никогда не лез и промахов никому не прощал.

Например, копаясь в гараже в двигателе отцовской копейки, а «Жигули», как известно тот еще конструктор был, Егор случайно, ронял гаечный ключ, и он насквозь пролетал ка-

пот и падал на пол. Еще ключ не звякнул об кафель, а Егор уже отпрыгивал от машины, потому что в голову прямиком летел отцовский кулак.

– У тебя что, в руках мухи е...утся? – прикрикивал он, – Живо поднимай, – уже спокойней говорил отец, и они, как ни в чем не бывало, продолжали работать.

Однажды Егор не увернулся. Не успел и получил кулаком в лоб. Отца аж перекосило. Егор думал, в лице он изменился от того, что, дескать, перегнул. Не стоит так жёстко обращаться с десятилетним мальчиком, который по собственному желанию предложил помощь и, пыхтя, откручивал клеммы с аккумулятора маленьким ключиком на десять. Отец выдержал паузу и засадил Егору еще раз. Он вмиг понял, что глаза отца выражали не сожаление, а самую натуральную ярость. Перекосило его от злости.

– Ты что, не работать толково, не увернуться? Настолько никчемный? – еле сдерживая маты спросил он почти побелевшими губами.

Крутоват был у Егора батя, но его такое суровое отношение к жизни и к людям приносило колоссальные результаты. Егор это видел и пользовался его достижениями каждый день, каждый час, каждую минуту. Семья богато жила, в доме всё было, отец был известным и уважаемым человеком, и детство у Егора без преувеличения было золотое. Отец для него создал такие условия, что он мог стать хоть академиком, хоть Олимпийским чемпионом. С ним занимались лучшие

тренеры, лучшие преподаватели и педагоги, он ходил в лучшую школу в городе. При всей суровости, Егор всегда чувствовал заботу отца.

Когда у них дома по какому-нибудь поводу было застолье, отец всегда отчитывал своих друзей, которые не занимались детьми и пускали дела семейные на самотек. Особенно тех, у кого были сыновья.

– Да вы что, мужики, – говорил он, – Это девочек можно на маму оставить, платочки, чулочки, главное, чтобы дочки были здоровы и счастливы, а с парнем так не пройдет. Сын должен дальше тебя пойти, добиться большего, ошибок твоих не повторить, поэтому парнем надо заниматься, как только ходить начал.

И на самом деле, отец с Егором два раза в день за руку, медленными шажками проходил по два-три километра, когда погода позволяла. Егору еще двух лет не было, он ходить-то толком еще не мог, а отец мужественно терпел. Их прогулки порой занимали по два часа. Бабушка и мама естественно этого не одобряли, но он знал, что делал, – Парень спортом будет заниматься, поэтому не лезьте ни в свое дело.

Егор ни раз слышал, как отец, своим нерадивым друзьям, рассказывал про братьев Кеннеди: « Батя их, – всегда одинаково начинал он, – был бутлегер. Говоря проще, бандит, который поднялся и разбогател на сухом законе в Америке, однако детям он дал блестящее образование. Его сыновья учились в лучших школах, колледжах и университетах Америки

и он лично следил за их успеваемостью, ну и спрашивал за промашки со всей строгостью бандита. Как результат, один сын стал Президентом Соединенных Штатов, второй, генеральным прокурором все тех же Соединенных Штатов».

Вот и из Егора отец растил человека.

– Главное, – говорил он, – Чтобы ты не потерялся в жизни, если не дай Бог, со мной что случится. Ты должен выгрести и всего добиться. Сам.

Отец Егора был человеком незаурядным, с большими способностями и возможно чувствовал, а может и предвидел, что такой расклад возможен. Егор еще был совсем пацаном, а отец заболел и умер. Он всю жизнь ломил на износ, вот здоровья и хватило только на полжизни. Какое-то время семья еще была на плаву, благо был запас, а потом пришлось продавать машину, гараж, дачу... Было тяжело, но терпимо.

Всё кончилось, когда рухнул Советский Союз. Вмести с ним рухнула плановая экономика и семья Егора вместе со всей страной погрузилась в нищету и мрак. Этот период жизни Егор всегда вспоминал с неохотой. Растерянность, неуверенность, страх и гнетущее ощущение, что это еще не все, будет еще хуже. Благо этот ужас продлился, относительно, недолго. Егор выкарабкался и вытащил всю семью. Гены великая вещь! Ну и конечно, все то, что было заложено и привито бабкой и отцом. Девяностые всем, кто не испугался, дали колоссальные возможности и в этой игре Егор не потерялся. Он много работал. Верил в себя и в успех даже то-

гда, когда ничего не получалось. Всё за что брался, старался, как учил отец, делать лучше всех. В любой работе, даже когда был сторожем, не пропускал никаких мелочей и деталей, всегда был собран и внимателен, был неутомим и нестигаем, в любой ситуации рассчитывал только на себя. В двадцать пять, Егор завел свое дело, а к тридцати годам, заработал-таки свой первый миллион долларов.

Бизнес рос. Егор перевез всю семью в Петербург, купил большой дом с огромным куском земли. Мог и шикарную квартиру в центре, но хотелось пожить с высокими потолками, большим количеством комнат, кошками, собаками, своей бильярдной и спортзалом, хотел почувствовать себя хозяином и крепким мужиком.

– Вот бы мой прадед Андрей оценил и порадовался бы за меня, – думал Егор, – И отец порадовался бы, и бабка. Жаль, что они не дожили. В доме места бы всем хватило.

Двух десятков коней у Егора, конечно, не было, но три машины под навесом стояли и если бы кто-то пришел и начал со двора выгонять его тачки, он бы точно также как его прадед вышел бы со стволом наперевес и защитил бы свою собственность, потому что он её не украл, и, ни в карты выиграл, а заработал потом и мозгами.

Только по-настоящему став хозяином и собственником, уже не как историк, в теории, а по самой, что ни на есть правде, только когда оброс жиром и мехом, только тогда Егор понял, что на самом деле творилось в России и произошло с

его прадедом в те лихие годы.

Дружеские встречи, а в Питер и Москву, так или иначе, переехало не мало университетских друзей Егора, веселые и не очень пьянки с сокурсниками по истфаку в барах и ресторанах северной столицы, не раз заканчивались спором, когда за столом речь заходила о революции в России и начале двадцатого века. Оппоненты Егора, как истинные историки, живущие вне времени, без эмоций, опираясь только на факты, утверждали, что коммунисты за двадцать лет, к тридцать седьмому году из отсталой аграрной страны сделали промышленного гиганта. Однокашники с умным видом приводили цифры, проценты, статистику, сыпали датами и именами, а Егор каждый раз, уже ни как историк, а как бизнесмен, с эмоциями, временами даже переходя на мат, чтобы более доходчиво подчеркнуть свою мысль, объяснял какой ценой это все далось народу, обычным людям: раскулачивание, грабежи, расстрелы, тюрьмы и лагеря.

– Да вы только представьте, да врубитесь вы, что это не учебник, а это происходит с вами, с вашей семьей, – Егор был очень убедителен, когда хотел, – Представьте, что это в ваш дом или квартиру придут и заберут все, что захотят. А если вы, хоть слово возразите, поставят к стенке и расстреляют, как врагов трудового народа.

Он знал, что говорил, но этот и подобные аргументы, были слабые доводы, для людей, которые ничего никогда не имели, а большинство его сокурсников так и остались нищими

студентами, просто стали постарше.

Спор как обычно ничем не заканчивался, все оставались при своем мнении, пили мировую, а Егор в очередной раз про себя с сожалением отмечал:

– Такая вот у нас не простая история и тяжелая наследственность.

Все счета в ресторанах и барах за одноклассников и однокурсников оплачивал Егор. Ему это было не трудно, более того, он всегда был рад встретиться с друзьями юности, но его удивляла бесхребетность и местами даже никчемность ребят, которые в универе вместе с ним мечтали свернуть горы, разбогатеть, объехать весь мир, писать книги о своих путешествиях, раскопках, новых идеях, которые перевернут классическую историю как науку. Егор тоже не стал великим и знаменитым историком, но он вылез, выкарабкался, а ребята так и смирились с безнадеей. Для большинства переезд из Сибири в одну из столиц, стал главным достижением в жизни, поэтому у них всегда разнились мнения, на счет частной собственности, капитала и его месте в истории.

Однажды Егор, за очередным подобным застольем со своими универовскими корешами, рассказал историю про своего сантехника. Егор в неё вложил весь пыл своего красноречия, но в очередной раз остался не понят. Видимо слишком стало разниться его мировоззрение со взглядами на жизнь друзей нищей юности. А история была на самом деле не рядовая.

Когда Егор купил дом, по наследству от прежнего хозяина ему достались все специалисты, которые дом обслуживали раньше. Садовник, дворник, электрик, плотник и сантехник. Когда что-то надо было сделать, подремонтировать, подстричь, подтехничить, убрать или вывезти, он звонил, приезжал человек и все проблемы решались мгновенно, только плати наличные. Никаких тебе «ЖЕКов», никаких задержек и проволочек, все четко и конкретно.

Все специалисты, кроме сантехника были жителями того же поселка, где Егор купил дом. По сути, это были соседи Егора. Редкий коттедж обходился без ремонта с их участием и для них, это давно перестало быть халтурками и подработками, а стало основным бизнесом. Поэтому свои дела они вели очень аккуратно и внимательно, ибо поселок маленький, жители его друг друга знали, и репутация в такой ситуации самое главное. Если ты один, два раза где-то, что-то у кого-то сделал плохо или не так, как договаривались, то об этом быстро узнают все и больше никуда не пригласят. Карьеру на этом можно будет считать завершенной. Опоздал, забухал, не сделал, никаких нравоучений, просто лишился куска хлеба. Жестоко, но справедливо.

Накануне покупки, в один из дней, Егор встречался в доме с первым хозяином. Владимир, человек который его построил и со своей семьей счастливо в нем жил восемь лет, познакомил Егора с сантехником.

– Он и котельную переоборудует, и за новым котлом будет

смотреть, – сообщил Владимир.

Раньше дом отапливался соляркой, а недавно в поселок провели газ. Был сделан проект, куплено все необходимое для замены, осталось только установить и запустить.

– Тойво, – представился специалист.

Егор слегка вскинул брови.

– Он финн, – пояснил Владимир, заметив его удивление.

Так вот. Сантехник Егора был финн.

Когда Владимир строил дом, Тойво делал в нем всю инженерию: отопление, водоснабжение, вентиляцию и все прочее. Дом он знал, как свои пять пальцев, поэтому Владимир Егору посоветовал оставить его для обслуживания всех инженерных коммуникаций.

– Он, конечно, дороговат, но свое дело знает отлично. Более аккуратного и толкового работника я не видел.

Владимир входил в десятку крупных бизнесменов Петербурга, поэтому если уж он так говорил о наемном специалисте, значит, так оно и было.

Тойво не был похож на финна. Скорее на обычного светловолосого русского мужика, среднего роста, с крепкой коренастой фигурой, лет пятидесяти. Ему запросто пошло бы имя Иван или Сергей. Когда они познакомились поближе, Егор ему об этом сказал.

– Не сильно ошибся, – улыбнулся Тойво, – моего отца звали Иваном, а меня зовут Тойво Иванович.

– Необычное отчество для скандинава, – пошутил Егор.

У России с Финляндией на протяжении незначительной финской истории, незначительной в сравнении с Российской, было много общих больших и маленьких историй. Об этом Егор мог прочитать небольшую лекцию, что он и сделал, когда они с Тойво разговорились, готовясь к монтажу нового оборудования в котельной.

Во, первых Финляндия как государство была образована не без помощи России.

Из под влияния шведов финны вышли на русских штыках. А самостоятельным государством страна тысячи озер стала благодаря Ленину. Более того, за то, что финны позволяли и помогали на своей территории прятаться и скрываться от третьего отделения царской охраны социалистам и террористам, а впоследствии революционерам, Владимир Ильич финнам дал еще и земли, урезав от бывшей Российской Империи. Правда Сталин ее потом забрал назад в ходе белофинской войны, на которой, кстати, воевал Егоров дед по отцу и был так изранен, что не смог пойти на фронт в Великую Отечественную. Зато дед по матери почти дошел до Берлина.

Егор тоже воевал. Как и девяностые годы своей нищей юности, так и армию, Егор не любил вспоминать. Но поддавшись магии истории, пересечению судеб людей и даже государств, он поделился с Тойво одним своим наблюдением.

Срочную Егор служил в Чечне. В 1999 году, находясь неподалеку от Аргунского ущелья, одной темной морозной

ночью Егор как-то сделал для себя неожиданное открытие:

– Мой прадед Андрей Ябров получил Георгия на Балканах в Русско-Турецкую. Его зятя, то есть мои деды, безвинно расстрелянные красными, с германского фронта Первой мировой все четверо пришли в крестах. Дед Петр воевал в белофинскую, второй дед, тоже Петр, закончил Великую Отечественную 16 апреля 1945, младший брат отца дядя Миша воевал в Афгане, я вот теперь люблюсь красотами кавказских гор... Что ж это планида такая или неотвратимость судьбы, воевать всем в чьих жилах течет казачья кровь!?

Тойво задумался. Но как истинный скандинав, промолчал. Потом все-таки добавил:

– Это не потому, что ты из казаков, просто Россия всегда много воевала. Русских много, а финнов мало. Мы предпочитаем не воевать.

У Егора аж под сердцем кольнуло. Он вспомнил Кавказ, вспомнил пацанов, которые так и остались навечно в тех замерзших горах, вспомнил, как несколько лет после Чечни терзался, зачем нужна была эта война, кому нужно было, чтобы одни россияне убивали других россиян. А финн все доходчиво объяснил – просто русских много. Вот и в революцию, одни русские, убивали других. Время идет, а история не меняется. Жизнь в России никогда ничего не стоила.

Он опять вспомнил, ту морозную ночь под Аргуном, вспомнил, как до этой же самой мысли он додумался, но по-другому. Просто тогда он думал о казачестве, а сейчас финн

навел его на мысль, что эта трагедия куда ужасней была и есть в истории русского народа.

Тогда в Чечне, находясь в дозоре и сжимая холодный автомат, чтобы не уснуть, он думал о том, что не нужно иметь университетский диплом историка, чтобы понимать, что казачество советской властью было истреблено, выхолощено и погублено под корень. Даже когда в его присутствии кто-нибудь нынешних казаков называл ряжеными, Егор даже не обижался. Этого уже никогда не восстановить. Целый класс уникальных людей, беспощадных воинов и великих труженников коммунисты свели в сырую землю.

– К тому же, что такое казачество, – продолжал про себя Егор, ежась от холода и думая, чтобы ни в коем случае ни рожком, ни цевьем автомата не задеть и не чиркнуть по ледяным камням, – Это, прежде всего, дух и отношение ко всему, то есть мировоззрение. Этому не научить и не привить. Это должно быть в крови, как у моей бабки было, как у отца. Во мне это есть, – с гордостью думал Егор. Но чувство гордости быстро проходило, потому что Егор как историк знал, как все обстоит. Его этому учили пять лет. Он знал, что в его стране, за семьдесят лет советской власти и без того не у самого развитого народа было напрочь отбито чувство уважения и к частной собственности и к личности. Собственности ни у кого не было, а жизнь в России всегда стоила копейку, кто у нас не воевал или не седел? Разве есть в России такая семья?

Глядя на то, как методично и толково Тойво управляется с котлом, все по делу, ни одного лишнего движения, спокойно, солидно, Егор вспомнил свой диплом, где он на примере все тех же казаков, по полочкам раскладывал все нынешние социальные и экономические проблемы современной России, которые начались не сто и даже не двести лет назад. Вкратце, там все выглядело так: в Европе все буржуазные революции происходили в шестнадцатых-семнадцатых веках, а в царской России только в конце девятнадцатого века отменили крепостное право, а по сути, рабство. Не успел умереть последний раб как к власти пришли коммунисты, с плановой экономикой, которая совершенно не стимулировала людей к развитию. И запойный алкоголик, и квалифицированный рабочий, на заводе получали одинаковую зарплату. А к этому добавьте еще советский аскетичный образ жизни, который воспевался и навязывался. Навязывалась нищета! Государство давало убогие квартиры, машину купить было невозможно. Хороших товаров в магазинах не было. К чему советским людям, потомкам освобожденных из рабства крестьян, было стремиться. К какому благополучию? К какой собственности? Откуда могло взяться чувство хозяина? Кто их мог этому научить? Тех, кто могли, так или иначе, истребили.

В 1991 советская власть рухнула. Начались рыночные отношения, это Егор уже отчетливо помнил, появились первые бизнесмены, хозяева, собственники. Народилось первое

поколение людей, которые начали стремиться к накоплению капиталов, стремиться к комфорту и успеху. Но и тут все было не как у добрых людей.

У России ужасная генетика. Всех блестящих людей извели, поэтому мы, потомки крепостных, которым вывернули мозги учениями Маркса и Ленина, мы, дети и внуки ни к чему не стремящихся заводских алкашей, и рынок начали осваивать варварски. В девяностые убивали среди бела дня, отнимали фирмы и заводы, рэкет, беспредел, разгул преступности... В глазах всего цивилизованного мира, мы сейчас находимся примерно все в тех же шестнадцатых-семнадцатых веках. У нас недавно произошла буржуазная революция, в конце двадцатого века, а в Европе триста лет назад. Там уже сменились несколько поколений, которые создают, создают и передают от отца к сыну кто большой, кто малый бизнес, сохраняя и приумножая его. В Европе и в Америке есть устойчивое выражение – old-money. С английского переводится, как владеющий унаследованным состоянием в течение нескольких поколений. Именно эти old-money family пользуются особым уважением. Ни потому что они богаты. Есть люди и семьи с куда большими деньгами. История знает много сказочных состояний, впрочем, история знает и множество примеров, когда эти гигантские деньги проматывались и спускались, и именно поэтому, семьи, чье богатство и влияние длиться уже по двести и триста лет, так уважаемы.

В дипломе Егор привел один небольшой, но очень зна-

чимый пример. В Италии во Флоренции, со времен Петра Первого по наши дни сохранилось семьдесят процентов семей, которые на протяжении трех веков являются крупнейшими налогоплательщиками Италии. На протяжении трехсот с лишним лет эти семьи и их бизнес процветают и отчисляют деньги в казну. А в России политологи мечтают, чтобы страна хоть когда-нибудь сто лет прожила без войн, дефолтов и потрясений. Экономисты так же говорят, что Русское экономическое чудо возможно, но после первых ста лет стабильности.

Этому был посвящен диплом Егора. Работа вызвал массу критики. Диплом был прекрасно написан и оформлен по всем канонам, соблюдая необходимые университетские требования.

– Прделана большая работа, материал интересно изложен, но мы не можем вам поставить пятерку, – вынес вердикт председатель комиссии на защите, – Нужно любить свою страну и её историю. Критиковать, много ума не надо.

– Это не критика, это анализ, – занозился Егор.

– И, тем не менее, четверка.

Егор не стал упорствовать. Из-за косности и зашоренности взглядов комиссия не захотела разглядеть в работе Егора попытку разобраться, что же с нами происходит, и куда мы идем, а главное с кем.

Позже, Егор не раз вспоминал диплом, особенно, когда завел свой бизнес. Он столкнулся с невиданной, невероятной

вещью. Он готов был платить хорошие деньги, а нормальных работников было не найти. Опоздать, бросить недоделанное, не выполнить план, не явиться на работу, было как само собой разумеющееся. Егор был в шоке! Такого разочарования в людях он не испытывал никогда.

– Бабка бы моя, или батя, поубивали бы таких работников, – с горечью думал он, хотя сам все прекрасно понимал, – Откуда им взяться, нормальным людям, читайте историю Егор Николаевич, – сам себе под нос говорил Егор.

Ответственных и квалифицированных людей он со временем набрал, и бизнес поднял, но каких это стоило сил.

– Мне бы тогда таких как этот финн, – думал про себя Егор, – Сколько времени было потеряно, какие дела можно было прекрасные вершить.

Тем временем, Тойво закончил подготовительный этап и занялся непосредственной установкой котла. Егор, как нормальный хозяин вызвался помогать, чтобы все было под контролем. И тут Тойво Егора просто потряс.

Для установки котла, в стенках котельной пришлось сделать несколько отверстий. При сверлении пыль от кафельной плитки, штукатурки и кирпича разлетается и оседает тонким слоем повсюду. Ее потом можно годами вымывать и вычищать. Зная это, Тойво одной рукой сверлил, а другой держал маленький портативный пылесос, который засасывал пыль и мелкие осколки. Финн Специально! привез с собой маленький пылесос, чтобы в котельной не было пыли и грязи. По-

мимо этого он привез целый ворох тряпок.

– Тойво, а тряпки-то зачем? – поинтересовался Егор, когда финн закончил и собирал свой инструмент.

– В системе могла остаться солярка, – объяснил он, – Если бы вдруг пролилась, я бы сразу вытер, а то она очень долго выветривается. Был бы запах, твоим домашним было бы не комфортно.

Егор был в шоке! Он не знал сантехников, которые заранее обдумывают свой производственный план и заботятся о клиенте так, чтобы после его ухода хозяевам ничего не пришлось убирать!

С другой стороны, Тойво был дорогой специалист. Его визит стоил 100 евро, только за то, что он приехал. То, что он сделал, тарифицировалось отдельно и тоже не дешево.

– Пусть так, – анализировал Егор, когда вся работа была закончена, – Пусть дорого, зато с качеством и с гарантиями. Это лучше чем алкаши за три копейки.

Помимо того, что Тойво был дорогой сантехник, на его услуги всегда была очередь. Чтобы его пригласить, иногда нужно было ждать два, а то и три дня. Но Егора это устраивало, ибо лучше него никого нет и свой дом, Егор мог доверить только такому человеку.

Тойво был настоящий европеец. Хозяин своего маленького бизнеса. Егору очень нравилось, что он ни разу не опоздал, всегда был опрятен. У него с собой всегда был нужный инструмент, любую работу он выполняет блестяще.

– И ведь это не очередная интеллигентская попытка превознести все европейское и покритиковать наше, – заканчивал Егор историю, на встрече с однокашниками, – Еще Петром Первым нам было внушено уважение перед всеми заморскими проходимцами, в то время как у нас и тогда и сейчас были и есть прекрасные мастера и специалисты. Тойво, это рубеж, к которому нам надо стремиться и рубеж, который однажды у нас уже был.

История про финского сантехника собравшихся за столом не впечатлила.

– Ну и что, здесь такого. Человек приехал, хорошо сделал свою работу, ты ему заплатил, он уехал. Что в этом такого? – сказал кто-то.

– Или история про то, что у тебя даже сантехник не простой, финн, видители, так мы давно знаем, что у богатых свои причуды...

– Ребята, да о чем вы!? – попытался достучаться Егор, – История о профессионализме. Да забавно, что он финн. Но главное, что он профессионал. Нам всем этого не хватает и к этому нужно стремиться, тогда и жить будем по-другому.

2016

Карелин

Если ты был трудолюбив и упорен,

если преодолел страх и перетерпел боль,
то удача обязательно улыбнётся.

А.Карелин.

В этой истории я не ручаюсь за точность дат, правильность названий городов и стран. Могу перепутать хронологию событий и имена её участников, что-то приукрасить, или, наоборот, о чём-то умолчать и не потому что пренебрегаю фактами, а потому что слишком запомнилась мне эта история, которую давным-давно рассказал мне Александр Карелин – великий спортсмен, успешный бизнесмен, яркий общественный деятель, доктор наук, семьянин и патриот земли русской, настоящий колос, герой и соль земли.

В этой истории важна сама история.

Дело было на чемпионате мира в 1991 году, после развала Союза и накануне Олимпийских игр в Барселоне. Карелин не проигрывал ни одной схватки целое десятилетие и на всех мировых форумах греко-римской борьбы за ним были вечно вторые, вечно третьи, четвёртые, пятые, те, кому никогда не светило стать чемпионами, пока на ковёр выходит русский богатырь, любимец всей страны – Саша Карелин. На любых турнирах с его участием всегда был аншлаг. Переполненные трибуны во всём мире хотели увидеть легенду воочию, ну и если вдруг произойдёт невероятное, то и поражение русско-го медведя. Безусловно, Карелин об этом знал, и каждый раз выходя на помост, он боролся не только с соперником, но и

со всем миром за честь своей страны.

Тот чемпионат мира проходил где-то в Европе, и на него первая сборная уже российских борцов греко-римского стиля приехала без доктора. Нонсенс, сборная на чемпионат мира приехала без врача, потому что доктор, который много лет работал с советскими классиками, был белорус и после развала Союза на чемпионат поехал в составе сборной Белоруссии.

В полуфинальной схватке, а Карелин в ней вёл с большим отрывом по очкам, и всё шло к досрочной победе, в один из редких контрвыпадов соперник знаменитого сибиряка головой проломил ему рёбра.

– Я даже боли не почувствовал в пылу поединка, – рассказывал Сан Саныч, – Продолжаю бороться, уверенно иду к финалу, а тут чувствую, что слюна во рту горчит, думаю, наверно, сломанные рёбра в печень воткнулись. Я, конечно, схватку доборолся, победил, спокойно с ковра ушёл, а сам думаю, что завтра-то делать, утром финалы.

Ночью стало совсем плохо. Боль адская. Доктора нет, за помощью обратится не к кому, да и опасно. Если узнают про рёбра, или с соревнований снимут с почётным серебром, или соперник построит утром поединок так, что весь акцент и все приёмы будут на повреждённые рёбра. Сидим всю ночь с тренером в моём номере, что делать, не знаем...

Утром выходим на завтрак, а моего соперника по финалу шведа Юхонсона уже все поздравляют, шила в мешке не

утаишь, про мою травму уже все знают, король Швеции должен прилететь на финал, чтобы увидеть триумф шведского борца в самой престижной весовой категории. Спокойно завтракаем и отправляемся на стадион. Там, биток народу – финалы. Что делать, как бороться? Мне идти-то больно, каждый шаг и каждый вздох в печень отдаёт, а тут размяться нужно да ещё бороться с парнем, который под сто тридцать килограмм. От безысходности, мой тренер обратился к доктору сборной Германии, нашему бывшему соотечественнику из поволжских немцев, Сергей, по-моему, его звали. Немцы уже все повылетали и туристами с трибун смотрели борьбу. Тот ко мне подходит и говорит:

– Саня, я тебе вколю анестезию, но действовать будет всего пять минут. На четыре минуты боль снимет точно. И на разминку и на схватку однозначно не хватит, поэтому размяться ты должен будешь сам. Перед выходом на ковёр я тебя кольну.

Приходит время поединка, я через маты, через слёзы разминаюсь, боль нестерпимая, но держусь, знаю, что после укола полегчает. Подходит врач, вкалывает мне маленький укольчик прямо в гематому, я выхожу на ковёр и за две минуты кладу шведа на лопатки. Он вскакивает после свистка судьи и на английском на весь манеж начинает орать, что русские обманули, что не может человек со сломанными рёбрами так бороться. После, уже с медалью, подходим с тренером к доктору немецкой сборной, чтобы поблагодарить, и я у

него спрашиваю, что он мне вколол. Что за чудо-препарат?! А он улыбается и говорит:

– Сань, да купил я тебя. Я тебе вколол витамины. У тебя рёбра сломаны, какое тут обезболивающее может помочь, когда у тебя гематома на пол живота!

Такая вот история.

Александр Карелин трижды был Олимпийским чемпионом, больше десяти раз выигрывал чемпионаты мира и Европы, легендарный борец, так приучил всех к своим победам, что люди, далёкие от спорта каждый его титул принимали как должное, наивно полагая, что, видимо, Карелин понял в борьбе нечто такое, до чего другие ещё не догнали, отсюда и все его победы. И только когда Сан Саныч проиграл в двухтысячном году финал в Сиднее на своих четвёртых Олимпийских Играх, только тут-то и стало всем ясно, что Карелин – это обычный человек, которому каждая медаль и каждая победа доставалась потом и кровью.

Кстати, на той Олимпиаде рухнул последний символ большой могучей страны под названием СССР, олицетворением которой и был Карелин. Богатырь из Сибири, сделавший греко-римскую борьбу популярной во всём мире.

После проигранного финала, пошли слухи, что Карелин финал продал. Называлась даже сумма в десять миллионов долларов. Слухи муссировались в около спортивных и журналистских кругах, но, что-то конкретно утверждать никто не решался. На одной из пресс-конференций кто-то попы-

тался намекнуть, дескать, Александр Александрович, а, вы могли бы проиграть за деньги?

В зале повисла гробовая тишина.

Карелин окинул всех тяжёлым взглядом и спокойно сказал:

– Нас воспитывали так, что мы перед соперником не можем встать даже на колено..., а вы говорите проиграть.

2011

Утро прекрасной жизни

Поздним вечером тридцатого декабря Дмитрий Владимирович Орлов на своем годовалом мерседесе представительского класса со всеми мыслимыми наворотами, минуя унылый Московский проспект, выехал из Ярославля. Впереди его ждали пять часов пути по заснеженной русской дороге, через города и деревеньки со старыми, былинными, почти сказочными названиями: Гаврилов Ям, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Сергиев Посад... Сквозь плотный снегопад, по нечищенной скользкой трассе ему предстояло проехать по Ярославской, Владимирской и Московской губерниям. Трудно представить, сколько людей и событий, повлиявших на ход российской истории, со времен Ярослава Мудрого прошло и проехало по этой дороге. Орлов спешил в свой загородный дом, который находился в ближайшем Подмосковье, где его ждала жена, елка и где он планировал

встретить Новый год, до которого оставалось чуть больше суток. Путь от Ярославля до дома Орлов предполагал преодолеть как обычно, за четыре-пять часов, но уже в дороге он понял, что может приехать и под утро, а значит опять скандал и как минимум, испорченные полдня, а с учетом того, что следующий день тридцать первое, то возможно, и в новый год, он войдет не с самым лучшим настроением. В последнее время с женой дела не ладились.

Вместо привычных ста тридцати, по белому полотну, где местами прорисовывалась черная колея асфальта, выбитая колесами грузовиков с прицепами, Орлову пришлось ехать семьдесят и даже шестьдесят километров в час. Фары выхватывали из темноты плотную завесу снега и, все говорило о том, что снегопад зарядил на всю ночь. С двух сторон на обочинах и тут и там с аварийными сигналами стояли фуры. Матёрые дальнобойщики предпочли дождаться утра. Здравый смысл тоже говорил Орлову вернуться, переночевать в гостинице и завтра по светлому спокойно поехать, но желание попасть быстрее домой, и без того натянутые отношения с женой, с её вечными претензиями, типа, «Тебя постоянно нет дома», и, «Я всегда одна», плюс, нежелание менять решения, да еще и новый год все усугублял, короче, он решил во что бы то ни стало дома быть именно сегодня, к тому же в Ярик и обратно он ездил раз сто и эту дорогу знал отлично.

За всю зиму ни в Москве, ни в Ярославле не выпало ни снежинки. Деревья стояли голые, дома, дороги и улицы бы-

ли серыми, машины грязными и все уже смерились, что очередной Новый год пройдет не только без привычного белого пушистого убранства, а возможно и под проливным дождём, как это уже бывало ни раз. Определённо, с погодой, природой и климатом творилось что-то невообразимое. Накануне праздников по инерции люди покупали ёлки, несли их домой, наряжали, в магазинах закупались к праздничному столу, выбирали подарки близким, но все это происходило как-то буднично, без азарта и не суетливо. Праздничного настроения ни у кого не было, оно не чувствовалось и ни в чем не проявлялось, но вдруг все изменилось. Меньше чем за неделю до Нового года снег как повалил и все, что природа задолжала за зиму, высыпала с избытком. Первые два дня снегу радовались: на лицах прохожих появились улыбки, повсюду закипела теперь уже настоящая праздничная предновогодняя суета, во дворах детвора начала строить горки, в парках появились истосковавшие по снегу лыжники, дворники наконец-то достали лопаты, которые были наготове с октября и, казалось, что все пришло в норму. Однако, лиха беда начало. Снег не прекратился ни на третий день, ни на четвертый. А на пятый он пошел еще и ночью, в конце концов, парализовав привычную жизнь европейской части России. Синоптики, как водится, о возможном снегопаде предупреждали, коммунальщики с экранов телевизоров говорили, что мобилизованы и ко всему готовы, а на деле все оказалось как всегда – людей и техники не просто не хватало, их уси-

лия были вообще не заметны по сравнению с тем, что творила природа, и в результате: нечищенные дороги, пробки, повсеместные аварии, заваленные снегом дворы и улицы. Поход на работу и вообще любой выход из дома превращался в испытание. К хаосу, который устроила стихия, как выяснилось, никто не был готов, и тем разительней была картина, которую по вечерам в спокойной тишине квартир могли видеть горожане из своих окон. Красота и безмятежность, волшебство, которое дарят бесконечные хлопья снега своим спокойным, завораживающим полетом, плавным падением в безветренную ночь в лунном свете или свете бледных фонарей.

Орлов выехал из Ярославля в десятом часу. В старинный город на Волге в канун Нового года он естественно ехать не хотел, но дела заставили. Вот уже двенадцать лет Дмитрий Владимирович Орлов, владелец и генеральный директор туристической компании «Граф Орлов» выгуливал иностранцев по России. Возил в заповедники на Камчатку, сопровождал паломников в путешествиях по монастырям Костромы, Суздаля, Ярославля и прочим городам Золотого Кольца России. В Санкт-Петербурге проводил международные семинары и форумы, причем с таким размахом, что молва о вечеринках, которые устраивал безумный русский в дни закрытия мероприятий в Петровских и Екатерининских дворцах, находящихся, между прочим, под защитой ЮНЕСКО, с берегов Невы докатывалась до берегов Австралии и Южной

Амери́ки. На Алтае, для очень богатых европейцев Дмитрий Орлов организовывал сафари на медведей из боевых луков, правда, толстопузых любителей пощекотать себе нервы страховали минимум два-три мастера спорта по пулевой стрельбе с армейскими карабинами, так что у мишек шансов не было никаких. Каждое лето к Орлову приезжали американцы, которые мечтали на своих катамаранах под парусами пересечь самое большое озеро в мире и этим озером был холодный Байкал в окружении тайги и седых гор. Причем американцы свои надувные катамараны, мачты, паруса, весла и прочие снаряжение, через Атлантический океан и всю Европу везли прямо из Америки. У них возникало множество проблем в аэропортах и на таможне, вояж из-за перегруза и габаритов багажа обходился в бешеные деньги, но каждый год, минимум две-три команды приезжали к Орлову. Все они были из какого-то клуба путешественников, цель которого было посещение всех крупных озер и внутренних морей на планете. Экзотики ради, однажды Орлов с французскими историками и археологами, спонсируемыми богатыми выходцами из России, представителями белой эмиграции, полтора месяца провел в тайге под Иркутском на поисках пропавших обозов с золотом Колчака. Золото конечно не нашли, но Дмитрий Владимирович Орлов был удостоен почетного звания «Достойный Сын Отечества», о чем написала вся русская эмигрантская пресса Франции. Рассказ об экспедиции, об Орлове и его деятельности неожиданно-негаданно, сделал

«Графу Орлову» такую рекламу в Европе, что туристическая компания Дмитрия Владимировича, уже смогла выбирать, за какие проекты браться, а какие игнорировать в виду их малой рентабельности. Пока шла война в Чечне, Орлов свозил несколько миллионеров из стран сытого Запада на реальную войну на Кавказе. Желających повоевать готовили несколько недель лучшие офицеры спецназа ГРУ, чьи части дислоцировались в мятежной республике, а затем с настоящими спецназовцами новоявленные «коммандос» выдвигались на выполнение боевых задач: ходили в разведку, участвовали в настоящих зачистках, сидели в засадах. Когда в районах дислокации дружественных Орлову частей все было тихо, а войной и не пахло, для «дорогих» гостей инсценировали и разыгрывали целые спецоперации с выводом на театр военных действий минометов, артиллерии, БТРов и вертолетов. Спецназ штурмовал какую-нибудь высоту, «высота» в виде переодетых срочников огрызалась шквальным огнем, и все выглядело очень даже по-настоящему. Клиент никогда не смог бы догадаться, что эта инсценировка и всем происходящим руководит очень профессиональная режиссерская рука. На территории России, vip-гостям, Орлов мог организовать любой каприз. В этом, в общем-то, и заключалась его работа.

Недоброжелатели, а точнее менее успешные конкуренты «Графа Орлова» упрекали Дмитрия Владимировича в том, что он торгует Россией, что он циник и не патриот, но это

было не так. В одном популярном ток-шоу на телевидении Орлов на всю страну заявил:

– Мои гости, очень богатые люди со всего мира. Да, первоначально они едут к нам за экзотикой, за «клюквой» – матрешки, медведи, балалайки, пышногрудые красавицы с русыми косами в кокошниках и все прочие, но после визитов в Россию, когда они видят нашу такую сложную и противоречивую жизнь, когда они погружаются в нашу богатую культуру, когда они видят, сколько в России культурных и образованных людей, какими темпами развивается наша страна и наша экономика, они уезжают совсем с другими мыслями. Я не возлагаю на себя миссии интеграции новой России в мировое сообщество – это успешно произойдет и без меня, но одно то, что к нам в гости приезжает бизнесэлита со всего мира и видит, что мы не дикари с ядерными дубинками, на территории обитания которых, к ужасу всего мира, залегают семьдесят процентов мировых энергоресурсов и прочих природных ископаемых, я думаю это крайне важно. Еще не так давно упал железный занавес и интерес к России, безусловно, есть. Все зависит от того, как мы этим воспользуемся и как реализуем, но это уже тема для другого разговора.

Что же касается не патриотизма и цинизма, то съездите в Таиланд или на Кубу. Посмотрите, как там процветает секс-туризм. Вот там, действительно сильные мира сего торгуют своей страной. В Таиланде если в семье родился мальчик – это горе. Девочка хоть подрастет, проституткой станет, день-

ги будет в семью нести.

Примерно тоже самое на Кубе. Хотя Таиланд вместо тринадцатилетних девочек может предложить миру тайский массаж и тайскую медицину, азиатскую экзотику буддистского мира, Куба, свои сказочные пляжи и потрясающую латино-американскую культуру. Посмотрите, Египет, только на одних Пирамидах и Красном море построил свою туристическую индустрию. У Турции нет и этого. Но Россияне не ездят на родное Черное море и курорты Краснодарского края, а ездят в Турцию, потому что там сервис. В Турцию за сервисом ездит пол-Европы, потому что близко и дешево, а сервис не хуже чем в американском «Хилтоне». Турецкая индустрия туризма поднялась на заботливых руках и повсеместном внимании к каждому гостю страны, а это миллионы, миллиарды долларов, которые инвестируются из года в год в бывшую Османскую Империю, поэтому давайте оставим разговоры, кто, чем торгует. Есть законы рынка, мировая практика, по которой развивается та или иная отрасль или индустрия, и я хочу сказать, что половина вместе взятых стран мира не имеют того, что имеет Россия. Мы может предложить туристам со всего мира потрясающий отдых в Приморье на Дальнем Востоке, в Карелии, на Камчатке, активный отдых в Алтайских горах и на озере Байкал, красоту Сибирской тайги и Уральских гор, не говоря уже о Кавказе, Черном и Азовском море. Вместе с тем мы можем обеспечить роскошный интеллектуальный отдых, пожалуйста – Пи-

тер, музеи и история Москвы, туры по былинному Золотому Кольцу России, это лишь то, что я смог назвать навскидку, но этим нужно заниматься, а не быть ханжой и обвинять успешных людей бог знает в чем. Да, я занимаюсь элитным туризмом, но у меня есть мораль и кое-что посильнее морали – это законы бизнеса. Если ты ведешь себя не корректно в этой наисложнейшей отрасли туристического бизнеса, то очень скоро твой бизнес рухнет. К тебе просто перестанут приезжать. Личное поведение, обоняние, харизма, образование и уровень культуры – это все так же крайне важно. Богатые люди, я вас уверяю, очень разборчивы и в нашем тонком бизнесе репутация превыше всего. К тому же, Россия в глазах иностранцев, страна с неустойчивой геополитикой, поэтому свою жизнь они могут доверить только очень надежным людям и организациям. Я никогда не поведу сына кого-нибудь американского магната по ночным клубам и борделям Москвы. Не мой уровень. Я работаю с серьезными людьми и берусь за те проекты, которые в первую очередь интересны мне.

Тогда на телевидении Орлов не защищался и не оправдывался. Он действительно так считал и так вел свои дела. Среди его клиентов, пусть у них были иной раз и чересчур экзотические желания, в большинстве своем были люди весьма достойные. Например, те же американцы, которые, безусловно, прожигали жизнь, шлясь без особой цели по Великим озерам Северной Америки или по озерам Африки, ле-

гендарным истокам Нила, но они могли восхищаться всплеском рыбьего хвоста в лунной дорожке на глади Байкала, или изумляться запахом тайги, её сырой свежестью пасмурным утром. Он видел, что они, дети цивилизации, жители настоящих мегаполисов: Нью-Йорка, Токио или Парижа, могли оценить величие природы, обнаружив утром возле палатки медвежьих следы, или увидев взлет с воды стаи северных гусей одним мощным взмахом крыльев. Может от того, что эти люди были богаты, а порой, сказочно богаты и многие земные проблемы их не касались, они обладали потрясающей свободой в передвижении, в мыслях, в эмоциях. Их интересовало многое, что обычный человек, зашоренный своими проблемами выживания в мире потребления никогда не заметит, или не обратит внимания из-за малой значимости в рамках его картины мира, а они это смаковали. Их кругозор был так широк, а жизненный опыт так богат, что сидя у костра, они могли запросто рассказать какую-нибудь забавную или невероятную историю, которая с ними приключилась в Индии, в Танзании, в Китае, на фьордах в Исландии. Они видели каналы Венеции и Санкт-Петербурга, бывали на Красной и Трофольгарской площадях, посещали Лувр и Эрмитаж, гуляли по Тадж-Махалу и Собору святого Петра, сидели в императорских ложах на премьерях в «Гранд Опера» и на церемониях открытия Олимпийских игр. Они запросто, с интересными подробностями могли поведать о том, как месяц жили в резервации с австралийскими абори-

генами или о том, как были послушниками у буддистских монахов в Тибете, как искали Шамбалу в Гималаях. Для них земной шарик был по-настоящему маленький, но они этим не бравировали, а лишь сожалели о том, что далеко не все могут увидеть и понять, что мир большой и разный. И что он так прекрасен. Давным-давно, когда Орлов привез первых иностранцев на Алтай, увидев горы, они воскликнули: «Боже, как велик Рерих!» Орлов тогда удивился, надо же, Рериха знают, но потом, спустя годы, когда он побольше пообщался с богатыми путешественниками, он понял, что о неграмотных буржуях, о тупых американцах, которые не читали и не знают, кто такой Пушкин или Толстой, или не в курсе, кто такие Репин или Чайковский, все это байки. Всё они читали, и всё они знают, может не все, но те, с кем приходилось работать Орлову, были люди весьма образованы, талантливы и как следствие, успешные. Имея много денег, далеко не все захотят потратить их на то, чтобы увидеть и попытаться постичь мир. А эти стремились, правда, для этого у них все было: деньги – они давали свободу и независимость, блестящее образование, острый ум и широкий кругозор, которые в итоге и позволяли им быть успешными. Успех – это понимание того, что всё достижимо. Общаясь с этими гармоничными и цельными личностями, Орлов, безусловно, стремился все лучшее у них перенять. Его больше всего удивляло то, что у того же костра, в дремучей сибирской тайге глава транснациональной компании, чья продукция продается в восьмиде-

сяти странах мира, одетый как и все участники экспедиции в камуфлированный костюм, резиновые болотные сапоги и вязаную шапочку, он всё равно выглядит как глава огромного производства, бос мафии или всемирно известный великий дирижер. Мимика, жесты, интонации, тембр голоса – все источает уверенность, основательность и благородство. Харизматичные, Богом поцелованные люди.

Харизма – это божественное понятие, сияние, которое источает её обладатель, изюминка. Толковые словари харизму трактуют, как высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле. Не без этого конечно, рассуждал Орлов, но всё равно, харизма – это нечто другое. Её обладатели – блестящие люди, как говорили в России в восемнадцатом веке. Не так давно Орлов пришел к мысли, что харизма она или есть, или нет. Её нельзя достичь воспитанием, образованием или еще чем-то. С ней нужно родиться. Именно она позволяет людям добиться успеха и при этом не важно, какой род деятельности изберет её обладатель – спорт или проектирование ракетных двигателей, он везде будет успешен. Харизма, думал Орлов, это алгоритм принятия решений. Вся наша жизнь – это ежесекундное принятие решений. Каждый наш шаг, он неизбежно куда-то ведет и каждый наш шаг не остается без последствий. Успешный человек всегда принимает правильные решения и каждый его шаг – это шаг к успеху, причем это заметно с детства. Не зря же говорят, что сколько ума у человека в восемь лет, столько же будет и

до восьмидесяти, и тут не поспоришь.

Еще к одному выводу пришел Орлов, анализируя поведение и стиль жизни своих клиентов. Если деньги взять за мерило успеха, то для людей блестящих, по-настоящему в чем-то талантливых и успешных, деньги – это следствие, а не причина их достижений. И эти деньги, сколько бы их ни было, подчеркивают их уникальные грани и сильные стороны. Когда же богатством владеет человек недостойный, деньги лишь усугубляют его уродливость и худшие проявления.

Обо всех этих вещах Орлов задумывался и раньше. Именно это подтолкнуло его к созданию своего бизнеса. В один момент он осознал, что хорошо работать за зарплату и обогащать своими талантами других. Все началось спонтанно, но тема оказалась перспективной и на удивление долгоиграющей. Со временем Орлов работу своей конторы поставил на широкую ногу и как следствие, все в жизни наладилось. По крайней мере, ему так казалось. Если ни брать в расчет проблемы с женой, то, в общем-то, жизнь удалась.

В бизнес элитного туризма Орлов попал случайно. В середине девяностых, будучи еще студентом института культуры и учась на факультете «Режиссура народных праздников и массовых гуляний», Дима Орлов понял, что по профессии двигаться не получится, вследствие её ненужности. При советской власти парады, демонстрации, народные гуляния, открытия и закрытия всевозможных спартакиад, смотров, праздников урожая и прочей ахинеи были частью идеологии

советского режима. Режим рухнул, ВУЗы как смогли перестроились, но в «Кульке» режиссерский факультет оставили и ежегодно институт выпускал специалистов, которые в последствии ни дня не работали по профессии. У Орлова на родной институт обид никаких не было. Almatater дала ему намного больше чем профессию, она дала мировоззрение: ему привили вкус и научили разбираться в литературе, театре, кино и архитектуре, подсказали как правильно понимать живопись, музыку и балет, дали азы режиссуры и драматургии, разжевали всю историю мировой культуры и искусства, его все устраивало – он изучал интересные предметы под руководством великолепных, чрезвычайно эрудированных преподавателей с тончайшим вкусом, делал это в окружении ярких и творческих людей, талантливых раздолбаев и просто уникальных личностей, но вот с поиском места в жизни до выпуска он решил не тянуть и, еще учась в институте, принял предложение своего однокашника Константина Станицкого. Станицкий, закончил тот же факультет, что и Орлов, но учился на два курса старше. Защитив диплом, Константин организовал свое агентство праздников, которое занималось провидением свадеб, презентаций, корпоративных вечеринок, рекламных акций, выставок, концертов, одним словом эвентов, «event» с английского переводится, как событие. Станицкий и Орлов не были близкими друзьями, но друг к другу относились уважительно. Придя в офис, Орлов сразу получил небольшой заказ, на котором и понял

всю суть бизнеса. Ему нужно было свозить в Египет группу из Нижневартовска, детей работяг нефтяного севера России. Прежде всего, он обзвонил все турфирмы Москвы и нашел самые дешевые туры в страну фараонов. Затем заказал билеты на самолет от Нижневартовска до Москвы и обратно. После забронировал гостиницу и зафрахтовал шикарный автобус на все время пребывания группы в столице. По условиям договора, дети нефтяников должны были провести два дня в Москве до отлета на Красное море и два дня после возвращения. Проявив сообразительность, Орлов на эти дни нанял экскурсовода, который должен был показать гостям Первопрестольную. Себестоимость поездки на двадцать детей и двоих взрослых, Орлова и Натальи Сергеевны, учителя географии, которая сопровождала группу, вышла пятьдесят тысяч долларов. Орлов путем торговли, уговоров и местами мелкого шантажа, мол, это дорого, мы, наверное, обратимся тогда в другую компанию, удешевил весь проект, примерно, на десять тысяч баксов. Если бы нефтяники сами взяли за организацию этой поездки, то гостеприимные московские менеджеры развели бы их минимум, тысяч на шестьдесят, шестьдесят пять. Орлов уложился в полтинник, а клиенту компания Станицкого выставила счет с учетом агентских в семьдесят пять тысяч долларов.

– В этом бизнесе, все просто, – объяснял Станицкий Орлову, – Чем сложнее заказ, тем больше подрядчиков: гостиницы, транспорт, питание, артисты, развлечения, охрана и

так далее. Подрядчикам ты платишь минимум, выбивая максимальные скидки, а клиентам все выставляешь по максимальному прайсу. Вот на этой разнице и живем, плюс, десять процентов агентские. За риск и за заботу. Но это только одна сторона медали, есть и другая. – Станицкий поморщился, – Если не дай бог, не вовремя придет автобус, или вместо белого вина на столе во время банкета окажется красное, или вместо розовых лент на свадебном лимузине неожиданно появятся голубые – это косяк агентства. Все, что указано в договоре, все должно быть выполнено, во что бы то ни стало, иначе, деньги начинают идти в другую сторону, неустойки, претензии и все такое, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул Орлов.

– Ладно, не вздыхай. Для первого раза ты молодец, все сделал блестяще.

Орлов просиял.

– Это только начало – чем дальше в лес, тем толще партизаны! – улыбнулся Станицкий, – Теперь еще раз о самом главном, – он сделал паузу, чтобы максимально привлечь внимание подчиненного, пусть и толкового, но подчиненного, – Все должно пройти как по нотам, от увертюры, до кульминации и развязки в виде проводов со слезами на глазах в аэропорту «Домодедово» на обратный рейс в Нижневартовск счастливых и отдохнувших детей. Следи, чтобы все было по высшему разряду, чтобы никто нигде не опаздывал. В Египте у группы должны быть лучшие номера с видом на

море. В гостинице в Москве и в ресторане, где ты их будешь кормить, всё должно блестеть и переливаться. Скажи своему гиду, на экскурсиях по нашей Белокаменной, пусть хоть вприсядку по автобусу ходит, фокусы им показывает, но чтобы детям было интересно. Все время пока ты сопровождаешь группу – всегда побрит, поглажен, трезв. Не дай бог, что случится, ты всегда должен быть адекватен и презентабелен. В случае форс-мажоров, без паники, без суеты, все спокойно. Сразу звони мне, будем решать любые проблемы.

– За это нам и платят, – проникся Орлов и подмигнул бо-су.

– Сечёшь, – удовлетворенно сказал Станицкий и, пожелав удачи и легкой дорожки, попрощался с Орловым.

Поездка в Египет удалась. Дети на удивление оказались очень спокойные и практически не доставляли хлопот. К тому же они все были разного возраста, и старшие всюду приглядывали за младшими. Два дня в Москве пролетели незаметно и группа, быстро сдружившись, в ожидании невероятных приключений, вылетела в Шарм-эль-Шейх. В отеле с непонятным названием «Гардина Плаза», Орлов все организовал таким образом, что дети под его незначительным присмотром отдыхали сами по себе, а они с Натальей Сергеевной, Наташей – наслаждались обществом друг друга. Наташа была ровесницей Орлова. Ей, как и ему, был двадцать один год, и следующей весной она собиралась защитить диплом и закончить Пединститут. Из-за мизерных зарплат в

школах была нехватка учителей, и, еще, будучи студенткой, она пошла преподавать свою любимую географию. Наташа была невероятной умницей. Она столько знала о стране пирамид и так увлекательно рассказывала, что тёплыми тёмными египетскими вечерами послушать её приходили не только дети, но и некоторые гости «Гардина Плаза» из Беларуси, Украины и матушки России. Русских в отеле, впрочем, как и по всему побережью Красного моря, было очень много. Ко всему прочему Наталья Сергеевна была шикарной и эффектной молодой женщиной. Все мужчины отеля, не стесняясь жен, не упускали возможность ей улыбнуться и познакомиться. Под таким натиском совершенства северной красавицы, Орлов, будучи мужчиной видным и уверенным в себе, тоже не устоял и приударил. Она не отказала, и у них две недели был настоящий курортный роман, которому не помешало даже наличие двадцати детей в возрасте от девяти до пятнадцати лет. Не смотря на то, что влюбленные были страстно увлечены собой, минимум необходимого внимания детям они всё же уделяли, но это было скорее для очищения совести и для успокоения нервов. Дети отлично справлялись и без них. Без взрослых, было даже еще интересней. Старшие, чувствуя свою значимость и превосходство, по утрам ходили будить младших по номерам, организованно водили их на завтраки, обеды и ужины, опекали на пляже и развлекали как могли. Наташа и Орлов, правда, всегда были рядом, но ненавязчиво. У моря свои шезлонги они располагали так,

чтобы дети были всегда на виду. Днем, обязательно все ходили поспать или просто отдохнуть в тени шикарного сада отеля от палящего африканского солнца. По вечерам, после ужина и прогулки, так было заведено, все собирались в чайной беседке и, развалившись, полулежа на коврах с множеством разноцветных подушек с пестрыми узорами, словно бедуины, попивая ароматный цветочный чай из приталенных стаканов из тонкого стекла с экзотическими восточными сладостями, обсуждали, как прошел день, кто, что нового узнал и какие сделал для себя открытия. Дети искренне делились, откровенно восторгались и восхищались, за что в финале вознаграждались очередной историей от загорелой и от этого еще более привлекательной, похожей на египетскую богиню или жену фараона, Натальи Сергеевны.

Когда однообразный пляжный отдых начал надоедать, Наташа, как истинный учитель географии, организовала экскурсию в столицу Египта, вся шумная компания посетила известный на весь мир Каирский Музей и своими глазами увидела гробницу Тутанхамона, а так же прочие артефакты подтверждающие мощь египетской цивилизации и гипотезу, что именно долина Нила была колыбелью человечества. В этот же день делегация северян во главе со своими взрослыми побывала на Пирамидах в Гизе, ибо если ты был в Египте и не видел Пирамиды, если ты не нёсся всю ночь с бешеным водителем на полуживом автобусе с неоощуемым кондиционером под заунывные арабские напевы из колонок де-

шевого магнитофона через Сахару, то эта поездка в Египет не считается. Инициатором экскурсии по Нилу на теплоходе в свою очередь выступил Орлов, впрочем, как и на прогулку на верблюдах по легендарной пустыне, всех вывел тоже он. Уже без детей Орлов с Наташей на один день съездили в Иерусалим, погуляли по граду Господнему, а на обратном пути полежали на спине без резких движений в плотном Мёртвом море, таким образом, посетив две главные достопримечательности Святой Земли. Затем, убедившись, что их отсутствие подшефные особо и не заметили, отдохнув от путешествия в Израиль, они съездили в граничащую с Египтом Иорданию, но это уже был перебор, во-первых, деньги закончились, Орлов и без того потратил весь фонд который был заложен на непредвиденные расходы, а, во-вторых, они просто устали от бесконечных ночных поездок по пустыне. От отдыха тоже можно устать и остававшиеся дни они предпочли провести в отеле на волшебном Красном море, чей подводный, сказочный мир неподготовленных людей потрясает, а бывалых, каждый раз по новому, восхищает.

Путешествия, тёплое море, жаркие египетские ночи, полные ласки и неги, всё пролетело как сладкий сон. Хоть Станицкий и ёрничал, но в «Домодедово» с Орловым дети действительно прощались со слезами на глазах, еще не понимая, что они должны быть благодарны не ему, это не он им подарил неповторимую сказку, а путешествие, Египет, море, солнце, Наташа, словно Шахиризада со своими историями.

– Спасибо вам Дмитрий Владимирович, мы никогда вас не забудем, – благодарили дети.

– Это точно, – подмигнула Наталья Сергеевна и загорелая, красивая, независимая, шикарная женщина, в окружение бронзовых детей скрылась в застеколье аэропорта. Египетская сказка закончилась. Всем нужно было возвращаться в привычную жизнь.

На следующий день утром в офисе Орлов отчитался за командировку, списав на мифические форс-мажеры деньги, которые они с Наташей потратили разъезжая по соседним с Египтом странам. Затем, там же, в бухгалтерии, получил свои тысячу двести пятьдесят долларов – это были пять процентов от двадцати пяти тысяч прибыли, которые он принес компании. Для студента это было целое состояние, а с учетом еще и шикарного отдыха со всеми опциями, за счет фирмы, тут конечно было над чем задуматься. Помимо денег Орлову вручили новый заказ, но уже по серьезней предыдущего и, пошло-поехало: в течении следующего года, он шестнадцать раз побывал за границей, причем не только в Турции и Египте, а в странах Западной Европы и два раза в Америке. Новый год он встречал в Куршовеле, летом несколько раз побывал в Монако, всюду, где гуляли и кутили русские богачи, везде накануне появлялся Станицкий в компании Орлова. По делам службы, Орлов перезнакомился со всем шоу-бизнесом Москвы, ибо без звезд эстрады, телевидения, театра и кино не проходило ни одной свадьбы, ни одной презен-

тации, ни одного мало-мальски приличного банкета, не говоря уже о корпоративах и презентациях. Орлов лично провел несколько мероприятий для олигархов, крутых бандитов и высокопоставленных чиновников. Гуляли люди, конечно с размахом, не только с цыганами и медведями, но и с легендами мирового шоу-бизнеса, причем последние под утро, когда рамки, лёд статусов и понтов, языковые барьеры и остатки норм приличий и здравого смысла смывались алкоголем и выдувались коксом, поддавшись безудержному русскому веселью, приглашенные звезды, которые должны были веселить, веселились так, что им впору было позавидовать – тусуются, отжигают, а им за это еще и такие сумасшедшие бабки платят. Вот, что значит правильно организованная жизнь!

Каждый свой проект Орлов выполнял с блеском. У него никогда не опаздывали артисты, никто никогда не задерживался в пробках. Всё привозили и увозили вовремя. На мероприятиях никогда не было форс-мажеров, накладок и конфликтов, все начиналось и заканчивалось по сценарию. И ни потому, что он был такой выдающийся организатор, хотя и не без этого, а потому, что он всех подрядчиков садил на персональные договоры и все, кто принимал участие в его «шоу», имел личную ответственность с оговоренной ранее и подписанной системой штрафов и неустоек. Но самый главный момент успеха Орлова, был даже не в этом. Он нигде не прокалывался, потому что все делал сам, лично. Свои дела никогда ни на кого не перекладывал, за всеми помощниками

проверял и перепроверял, всюду страховался. Шизик – говорили о нем в агентстве, но его дотошность и ненормальная щепетильность, привели к тому, что самые серьёзные заказы в компании и vip-клиентов Станицкий доверял только ему.

Так пролетел год, с той знаменательной поездки в Египет, которую Орлов всегда вспоминал с нежностью и легкой грустью. Он несколько раз звонил Наташе, она ему тоже звонила с удовольствием, они перебрасывались электронными письмами, планировали ещё куда-нибудь съездить вместе, но расстояние и повседневные заботы свели этот роман на нет, оставив его участникам приятные воспоминания, которые вряд ли сотрутся и будут сопровождать до конца дней.

«Побольше бы таких воспоминаний», – думал Орлов, ежедневно ныряя в гущу и водоворот событий, а чаще, оказываясь в их эпицентре. Развлекая и развлекаясь, он защитился, причем диплом его был написан на основе изысканий и исследований его новой работы. Главной его идеей было то, что любое мероприятие не зависимо от масштаба и статуса – это действо. Это как фильм или спектакль, со всеми законами драматургии: вступление, завязка, кульминация, развязка, выход. В зависимости от того, каких эмоций ты хочешь добиться от зрителей, активных или пассивных участников действия, зависит и темп, и смена, и продолжительность актов, а так же ресурсы и выразительные средства, которые ты подбираешь для этого «шоу». В дипломе Орлов подробно описал свадьбу дочери одного министра, крестины младше-

го сына известного бандита, «царскую» охоту губернатора Московской области и встречу Нового года большой группы известных российских персон во французских Альпах.

– И вы этим зарабатываете себе на жизнь?! – восхищенно удивился председатель госкомиссии.

– Да, – не без гордости ответил Орлов.

– Это, пожалуй, поинтересней режиссуры народных празднеств и гуляний.

– Возможно, но я думаю, что и там я бы смог придумать и реализовать интересные идеи.

– Не сомневаюсь, – по-отечески сказал председатель, и Орлов получил свою законную пятерку.

Но поживать на лаврах долго не пришлось. В этот же день Орлову позвонил Станицкий и сказал, что есть дело на миллион.

– Буквально или фигурально? – поинтересовался Орлов.

– Не умничай, собирайся и вали в офис, дипломированный режиссер..., – последнее Станицкий сказал покровительственным тоном. Для него защита была таким давним событием, и настолько пройденным этапом, что казалось, будто «Кулек», лекции, сессии – это было так давно, но вспоминать все это было чертовски приятно.

– Тогда с тебя шампанское, по случаю моей защиты.

– Хорошо, хорошо, только приезжай быстрее, – в голосе боса чувствовалось возбуждение, восторг и нетерпение.

«Видимо, действительно что-то интересное, – подумал

Орлов, положил трубку и начал собираться.

Из офиса они напрямиком поехали в ресторан.

– Так и быть, я угощаю, – сказал Станицкий, когда к ним подошел официант.

– Ну, раз так, то я не буду стесняться, – пошутил Орлов и, зная толк в банкетах, сделал заказ на двоих с присушим организатору праздников вкусом и размахом.

Станицкий все воспринял спокойно.

«Значит дело действительно на миллион», – подумал Орлов, – Ну, не томи, давай выкладывай, – заинтересовался Орлов и внимательно посмотрел на боса.

– Дим, скажу сразу, клиент очень серьёзный, а заказ неподъёмный, – Станицкий сделал паузу и закурил, – Я, если честно, сразу хотел отказаться, но потом, взял паузу и решил посоветоваться с тобой.

– Какая лесть, как ты умело расставляешь ловушки, – ухмыльнулся Орлов, – Не забывай, я ведь тоже режиссер и не хуже тебя умею работать с людьми.

– Да я уже это понял, – Станицкий одобрительно кивнул. Ему было приятно, что толковый Орлов работает именно у него. – Дело действительно серьезное. Проще отказаться, но... Жадность говорит, что при благополучных раскладах и хоть минимальном везении – это возможно.

Последняя фраза убедила Орлова, что Станицкий не расшаркивается и не заманивает его. Костя был тот еще аферист, и если даже он не уверен в реальности проекта, то это

однозначно было что-то из ряда вон выходящее.

– Ну, не томи уже.

– Короче, группа иностранцев, богатых иностранцев, – подчеркнул Станицкий, – хочет с русскими подводниками сходить в поход к Северному полюсу. Все расходы берут на себя, плюс сто тысяч баксов агентству, в случае, если путешествие состоится.

– Да они, что там, охринели, – искренне возмутился Орлов, – А из наших ядерных ракет, Суринам, например они не хотят расстрелять?

– Дим, давай без эмоций. Я в первый момент подумал так же. Но все же, как ты думаешь, это возможно?

– Не знаю... В принципе, всё возможно, вопрос лишь денег и ресурсов, – риторически сказал Орлов, а затем неожиданно для Станицкого выпалил, – Прибыль пополам.

– Идет! – не растерялся Станицкий и они пожали руки. Затем официант принес шампанское, начал накрывать на стол, они расслабились, начали выпивать, закусывать. О делах в тот вечер больше не говорили. Выпили за диплом, за «Кулек», за преподав, всегда есть любимые преподы, которые не только профессию дали, но и жизни научили и в люди вывели. Повспоминали студенческие годы, байки, непроходимые зачеты и экзамены, которые брали измором, в общем, для обоих неожиданно получился приятный вечер. Станицкий немного поморщился, когда принесли счет, но уговор есть уговор. Орлов улыбаясь безмолвно позлорадствовал и,

вызвав такси, они разъехались по домам.

Там, за столом, Орлов еще не верил, что боевой поход! с русскими моряками!! на подводной лодке!!! на Северный полюс!!!! с участием иностранцев!!!!!, разве это возможно? Но из опыта работы с военными он знал, если этих людей конкретно заинтересовать, и если они возьмутся, то полюбовно доведут до победного. Одно слово, военные.

Однажды, Орлов на кануне двадцать третьего февраля возил руководство сотовой компании на армейский полигон, одной из элитных частей в Подмосковье, где президент, вице-президенты, совет директоров, и прочие крупные рыбы катались на танках и БТР-ах, затем были соревнования по стрельбе из всех видов стрелкового оружия, включая гранатометы. Грохот орудий и лязг гусениц, запахи солярки, пороха и гари, вероломная мощь танков, оружие, стрельба, вспышки, залпы, отдача прикладов, пробуждают даже в законченных клерках настоящие мужские инстинкты воинов и охотников и как об этом не поговорить, когда ты на вершине мира, за чаркой доброй русской водки, под грибочки, солёные огурчики, селедку с лучком и картошечку. Поэтому, сразу после стрельб, в шатре, оборудованном тепловыми пушками, vip-ы даже на полигоне нуждаются в комфорте, был запланирован легкий фуршет с участием полевой армейской кухни, разумеется, для экзотики. Все закуски, горячие блюда, мясо, овощи, фрукты и спиртное были привезены из Москвы из ресторана «Прага», вместе с офи-

циантами, одетыми в камзолы и мундиры времён Екатерины второй. Когда сотовики возбужденные стрельбой, водкой и свежим воздухом подкрепились, состоялось торжественное подведение итогов и церемония награждения, причем отмечены были все, не только победители и призеры. Таковы законы бизнеса, клиент должен быть оболыщен и обласкан. Взрослые, богатые мужики, имеющие приличные состояния и недвижимость не только в России, но и за её пределами, радовались как дети памятным медалькам и грамотам с классическими: «За волю к победе» и «Приз зрительских симпатий», а так же упоминанию в потешных номинациях типа: «Глаз-алмаз», «Варшиловский стрелок», «Самый меткий Вице-президент», «Гроза конкурентов», «Снайпер поневоле» и далее в таком же духе. Когда награды нашли своих героев, праздник продолжился неподалеку, в одном элитном пансионате, где раньше от тяжелой работы на благо страны и народа отдыхали члены ЦК. В пансионате были приготовлены номера, сауна и накрыт уже настоящий, шикарный банкет с участием артистов и звезд первой величины, стриптизерш и специально приглашенных танцовщиц, если вдруг у бойцов, закаленных офисными битвами проснуться иные инстинкты.

Второй раз, с военными жизнь свела Орлов, когда он устраивал военизированный корпоратив для известной иностранной фирмы, которая в Москву пригласила директоров всех своих европейских представительств. Эту пеструю ком-

панию «милитаристов», говорящих на многих языках, после того, как они закончили свои семинары и совещания, Орлов на два дня поселил в дивизию специального назначения. Там они двое суток жили по уставу и распорядку части, с ними занимались опытные инструкторы, прошедшие ни одну, и даже ни две войны. Под конец обучения их обмундировали, вооружили и на третий день с утра по раньше привезли на броне БТР-ов к разрушенному зданию, которое они должны были взять штурмом и освободить удерживаемых там заложников. На роль заложников Орлов отобрал двадцать самых породистых моделей и манекенщиц Москвы, но для гостей это был сюрприз. Террористами были настоящие спецназовцы, которые по всем правилам окопались и укрепились в здании.

Всё мероприятия Орлов срежиссировал до мелочей. По его команде «иностраный легион» без предупреждения по тревоге подняли ранним утром. Для адреналина и пущей убедительности, в роте где гости ночевали, взорвали два взрывпакета, а четыре офицера встав в углах и задрав стволы калашниковых вверх разредили по несколько рожков холостых патронов. Что там началось: в темноте, в дыму, под грохот очередей, бедные европейцы метались, сбивая друг друга, в панике, не зная что делать. Эффект был настолько неожиданным и сильным, что будущие освободители заложников ни то, что не смогли вовремя одеться, получить оружие и построиться на плацу, а всерьез поверили, что началась

война. Когда все же построение на плацу состоялось, Орлов пришел в ужас. У людей на лицах были синяки, на руках, ногах и ребрах ушибы, подавленное настроение и ничем ни скрываемое желание поскорей вернуться домой.

– Вот тебе и НАТО, – еле сдерживая смех, перешептывались спецназовцы, – Может ни стоит штурмовать дом, а то наши ребята их ещё сильнее помнут, – обратился к Орлову один из старших офицеров.

– Ничего, на войне, как на войне, – в замешательстве ответил Орлов, но быстро собравшись с мыслями, добавил, – Всем кому надо – оказать медицинскую помощь, проверить обмундирование, выдвигаемся через пятнадцать минут, далее все по плану. Только своим по рации передайте, чтобы действительно, по легче там. А то перекалечим весь европейский директорат, – уже с улыбкой закончил Орлов.

– Есть. Ребята, вы все слышали, выполнять, – скомандовал старший по званию, и спецназовцы засуетились вокруг иностранцев и техники.

Через час возле здания всё было кончено. Участники утреннего «побоища» под руководством инструкторов окружили объект, сняли часовых, чиркнув им фломастерами по горлу, штурманули здание с разных сторон, предварительно забросав террористов взрывпакетами и обложив плотным огнем холостых выстрелов из всех имеющихся стволов. Когда ворвались во внутрь, завязалась рукопашная с помощью всё тех же фломастеров. Естественно, после незначительно-

го сопротивления, террористы были повержены и связаны, а благодарные дамы трепетали.

Далее, всё было по накатанной: дружеский завтрак с участием, опять таки незаменимой, полевой кухни, после пансионат, сауна, банкет, артисты, но на этот раз «героев» всюду сопровождали прекрасные заложницы, которые к банкету одели вечерние платья. В этой игре, лучшие тела Москвы кокетливо вели свою игру. Все они были молоды и хороши собой, и каждая из них не прочь была устроить свою личную жизнь. Орлову, со стороны, все происходящее виделось очень забавным. Освободители так неистово праздновали свою победу, они так сплотились, и так искренне поверили, что они самая лучшая в мире команда, что, на миг, даже Орлову показалось, будто на самом деле нет больше на планете проблем, которые не смогли бы решить эта подвыпившая публика. В общем-то, именно этого эффекта Орлов и добивался. Teambuilding – строительство команды, такую задачу перед ним ставил заказчик и Орлов, её с блеском выполнил, в очередной раз убедившись, что с людьми делает такая широкая палитра переживаний, смачно сдобренная адреналином, как риск, возбуждение, разочарование, отчаянье, неожиданная победа и эйфория в финале. Он был уверен, что разъезжаясь по своим странам и городам, к своим жёнам, счетам, домам, детям, собакам, машинам, эти люди из другого, приглаженного и отутюженного мира, навсегда запомнят эти три дня в России и может быть свою самую

главную атаку в жизни, атаку, когда они были стопроцентными мужчинами, где всем руководили рефлексы и инстинкты, а не правила и уклад цивилизации.

И в первый и во второй раз всё прошло на ура. Военные отработали чётко и ни в чём не подвели. Более того, Орлов, зарекомендовав себя так же с лучшей стороны как надёжный партнер, смог решить проблемы, которые в ближайшем будущем ему должна была подкинуть российская армия. Он откосил. Ему сказали кому, сколько и в той же части, где он укатывал и сплачивал иностранцев, ему вручили военный билет, который подтверждал, что он отслужил, и все свои долги родине отдал.

Именно возможность конструктивного сотрудничества с военными и вселяла оптимизм в Орлова. Он понимал, что самое главное, выбрать правильного человека, власти которого будет достаточно, чтобы осуществить поход к Северному полюсу. Задача предстояла архи сложная, но от этого было еще интересней.

Через неделю после разговора в ресторане Орлов пришел к Станицкому и изложил все детали предстоящего проекта. Для его осуществления Орлову пришлось встретиться с Вице-адмиралом Северного флота и слетать, на этот самый Северный флот. Орлов не стал вдаваться в подробности, но сообщил, что подводники оценили свои услуги в четверть миллиона долларов. Видимо с таким выходным пособием участники этой аферы решили уйти на пенсию в обозримом буду-

щем, чтобы потом, где-нибудь в теплых краях в Анапе или Сочи построить дома и тихонько жить у моря, вспоминая былые походы и боевые дежурства.

– Сумму в двести пятьдесят тысяч долларов я оспаривать не стал, и это очень понравилось Вице-адмиралу, – съязвил Орлов, – После этого беседа полилась словно песня, но конкретно, по-военному чётко. Мы разработали легенду – иностранцы попадут на борт в качестве журналистов, снимающих кино о русских моряках – сейчас это модно.

– Согласен, к тому же, буржуев в любом случае везде будут сопровождать фотограф и два оператора, – вставил Станицкий.

– Да, и наверняка на лодке они всюду будут лезть, расспрашивать команду о том, о сём, поэтому легенда с журналистами будет выглядеть правдоподобной.

– Это вы удачно придумали, – согласился Станицкий, – Ну, а детали, числа, сроки – это вы обговорили? Чё мне клиентам сказать.

– Детали и даты похода, решили согласовать позже, ближе к делу. Вице-адмирал сказал, что они без проблем под нас подстроятся. То есть, ему нужно знать, когда мы сможем привезти иностранцев к месту стоянки подлодки, а дальше он сам всё организует. Единственное, ему всё нужно сообщить заранее, примерно дней за десять.

– Отлично, – обрадовался Станицкий, – Ну, Диман, ну ты красавец!

– Да я знаю, – спокойно согласился Орлов. Он и сам был в восторге. Наверное, люди в этом бизнесе выполняли и посложней заказы, но ему, новичку, удалось, как он считал, невозможное и это окрыляло. Вот они плоды образования и умение выйти за рамки или рвануть за флажки. Для режиссёра – это очень ценные качества. Да и в обычной жизни пригодится еще не раз. Уже в походе, как-то ночью, лёжа в своем кубрике, по соседству с клиентами – двумя норвежцами и голландцем, их охранниками, операторами, фотографом и переводчиками, уже засыпая и одновременно осознавая, что он в данный момент движется под огромной толщей воды и возможно льда, и всё это благодаря своей светлой голове, смекалке, смелости, умению рискнуть и заглянуть за шоры, он как-то неожиданно для себя решил, что это отличная точка в работе на Станицкого.

– Дальше я сам, – в полудреме решил Орлов, – Иметь свой бизнес со всеми его геморроями – это детский лепит, по сравнению с организацией похода на военном атомоходе к Северному полюсу с иностранными гражданами на борту. Вернусь в Москву, заберу свою долю и начну свою тему. Интерес к России будет только расти, а уж что-что, а принимать мы умеем, – проваливаясь в сон подумал Орлов и это и был момент, когда он решил изменить свою и без того интересную жизнь к лучшему.

На следующий день было посвящение в подводники. Орлов и гости из Европы по очереди выпили из плафона хо-

лодной солёной до горечи морской воды, взятой прямо из-за борта, а еще через сутки состоялся подъём на поверхность. Лодка всплыла, проломив многометровый лед. С помощью подводников иностранцы, опьяненные свежим воздухом, водрузили на куполе четыре флага: Андреевский, Российский, Норвежский и Голландский, затем все вместе сфотографировались, и, поделившись на две команды, провели международный товарищеский матч по футболу – такова традиция, но победили, естественно, русские.

Орлов вместе со всеми устанавливал флаги, с удовольствием фотографировался, не веря в реальность происходящего, с ребячьим задором играл в футбол за иностранцев и всё это на крыше мира! Нереальность происходящего усиливала субмарина. Слегка обледеневшая черная лодка, с хищными чертами своего внешнего дизайна, восхищающая своей завершенностью и олицетворяя мощь прогресса, бездвиженная, преломляя легкой наледью лучи солнца, стояла посреди идеальной бело-синей дали закованная во льдах, и мощь прогресса было ничто, по сравнению с мощью и гармонией природы.

Дорога назад пролетела быстро, подводники во всём демонстрировали доброжелательность, иностранцы никаких проблем не доставляли, короче, поход удался, и у себя дома Орлов воткнул очередной флажок на карте, и это была самая северная точка из всех его путешествий. Конечно, он не был на Северном полюсе, на подводной лодке его достичь невоз-

можно, но ему было приятно осознавать, что он был неподалеку и как знать, может еще и придется там побывать. Ведь не думал он, что увидит Пирамиды, или побывает в Греции и в Англии, и еще много где, а если учесть, что это всего за каких-то два года, то с такой динамикой, действительно всё возможно.

С того памятного и судьбоносного похода прошло двенадцать лет. Офисы компании Дмитрия Владимировича Орлова были открыты в Москве, Санкт-Петербурге и Иркутске. В штат «Графа Орлова» входило около тридцати человек, но очень богатых и известных клиентов, впрочем, как и клиентов с особо сложными заказами Орлов предпочитал вести лично. Вот и в Ярославль на кануне Нового года пришлось поехать, потому что один из спонсоров и учредителей французской экспедиции под Иркутском по поиску, возможно мифических, обозов с золотом Колчака, отпрыск известной русской фамилии, Фёдор Николаевич Рокотов, попавший в Европу сразу после революции трёхнедельным младенцем, решил, что его правнук должен венчаться в Ярославле, в старейшем православном храме – в Церкви Ильи Пророка, там же, где когда-то клятву перед богом давали его отец с матерью и с достоинством пронесли её через всю нелегкую жизнь, пережив две мировых войны, революцию, тяготы эмиграции, но при этом, вырастили своих троих детей достойными людьми и всю жизнь, не взирая ни на что хранили верность и уважение друг к другу с трепетной нежной любовью. Посто-

янные беспросветные трудности они близких людей или разобщают до вражды, или наоборот, так сплачивают, что никакая сила и никакие события не смогут их разделить в дальнейшем. Уважение и благодарность за поддержку в лихую годину, у благородных людей становятся выше всего на свете, выше, чем любовь, выше, чем святые узы брака.

Родители Орлова жили плохо. Они работали в одном оркестре и это все усугубляло. Будучи музыкантами, а соответственно людьми творческими и излишне эмоциональными, они жили порывами. Ссорились, разводились, вновь сходились. Обоюдно крутили романы на стороне. Отец, походя, изменял, мать за это мстила, спала с его друзьями. Мать была более талантлива, отец тихо бесился и так же тихо пил. Мать за это топтала, просто уничтожала его мужскую гордость и достоинство:

– Денег заработать не можешь, гвоздь забить не можешь, как музыкант, ты посредственность, полная. Серость! Бездарность, ненавижу!

Отец по своей природе человек спокойный и неконфликтный, её выпады терпел, пытался уходить от очередной ни к чему не ведущей ссоре, но всякому терпению есть предел. В какой-то момент он не выдерживал и начиналось.

Всё своё детство Орлов только и слышал, что маты отца, крик матери, бой посуды, слёзы, истошные вопли. Мать обвиняла отца, что он загубил ей жизнь. Она была красавица и очень талантливый музыкант. Он был тоже не без божьей

искры, но всё как-то не складывалось. Все чего-то не хватало, удачи, везения, фарта, чьей-то помощи в нужный момент. Иногда что-то приходило, но с опозданием, необходимый человек, дельный совет, победы в конкурсах, премии, признание. Всё это появлялось тогда, когда это уже было не нужно.

Сколько себя помнил Орлов, дома всегда было не прибрано, не уютно. Есть вечно нечего. Родители то на гастролях, то на репетициях, то на вечеринках, то ссорятся и потом по нескольку дней не разговаривают. Отец то уходит, то вновь как побитый щенок возвращается. Какое-то время в семье сохранялся мир и все начиналось по новой: крики, маты, битая посуда. Поэтому Орлов для себя с детства решил, когда у него появится семья, в его доме никто кричать и повышать голос не будет. Всегда всё можно решить и договориться. Самое невероятное, что это открытие к Орлову пришло лет в пятнадцать, когда он уже кое-что начал в жизни понимать – всё нужно проговаривать. Есть проблема, нужно её обсудить. Не надо держать в себе, молча обижаться на близкого человека. Всё нужно проговаривать и обсуждать и истина, она может и не родиться в споре или в диалоге, но близкий человек всегда оценит, что ты не обостряешь и не разжигаешь пламя еще больше, а наоборот, пытаешься договориться, сгладить острые углы, устранить разногласия, прояснить непонимание и решить всё миром. Пусть и худой мир, но он лучше хорошей войны. Да и плохой войны тоже, поэтому,

когда под Иркутском Орлов узнал некоторые подробности из жизни Рокотовых, он зауважал этих людей, только ни за то, что они были успешны и сказочно богаты, их семья стояла у руля известного ювелирного дома во Франции, а за то, что они были людьми. В таких испытаниях сохранить семью, и не просто продолжить род, а создать целый клан, где старики живут в уважении, а малыши и женщины в любви. Если бы даже Рокотовы не разбогатели, то семейные устои и ценности всё равно были бы сохранены в недрах рода. Они вели бы скромную жизнь, не имели бы блестящего образования, не путешествовали бы по всему миру, не возглавляли бы многомиллионный бизнес и не занимались бы благотворительностью, но они бы всё равно вели бы очень правильную жизнь, не ропща на трудности и стойко побеждая невзгоды поддерживая друг друга. В этом Орлов был уверен, иначе, зачем бы глава семьи, настаивал, чтобы его правнук уже взрослый молодой человек, расписанный со своей женой по французским законам, непременно венчался в России, в том же храме, где его прадед и прабабка, бежавшие из России и давшие им всем жизнь. Причем, старший из Рокотовых хотел, чтобы правнук не просто венчался, а чтобы непременно, на кануне венчания, девятнадцатого января, в Крещение, окунулся в прорубь, и не где-нибудь, а в том месте, где Которосль впадает в Матушку Волгу, потому что его отец до революции это делал именно там. Вот за этим, чтобы выполнить все причуды богатого старика, Орлову и при-

шлось ехать накануне нового года в Ярославль и возвращаться в жуткий снегопад.

Орлов в любое время года от Ярославля до Ростова Великого доезжал минут за сорок. Из-за снега, который лежал под колесами и повсюду стоял стеной он в дороге был уже второй час, а до Ростова еще было ехать и ехать.

– Надо позвонить жене, – сам себе сказал Орлов и, убавив музыку, набрал номер.

– Ало, – после нескольких гудков услышал он родной голос и так ему обрадовался. Орлов очень любил свою жену и, не смотря на то, что в их отношениях веяло прохладой, он не принимал это в серьез. Всё наладится, был уверен он. Мы столько вместе хлебнули, через столько прошли. Не Рокотовы конечно, но пуд соли вмести съели не хилый.

– Привет любимая, это я!

– Ты где?

– Не поверишь, еще даже до Ростова не доехал, – Орлов собирался рассказать о снегопаде, о тяжелой дороге, о том, что он задержится и приедет позже, но жена его перебила:

– Ты, как обычно. Твоим словам вообще нельзя верить.

– Зайка, не злись. Просто движение затруднено и я приеду позже.

– Ты к двенадцати обещал приехать. Время уже десять. Орлов, с тобой вообще какие-нибудь дела можно иметь?

– Полмира имеет и не жалуется, – Орлов чувствовал раздражение жены, но у него была надежда, что всё еще можно

перевести в шутку.

– Вот именно. Ты со всеми внимателен и заботлив, кроме меня.

– Ну не начинай, – надежда, что скандал можно избежать, начала таять.

– Ты знаешь, как я провела день?

– Как?– с участием спросил Орлов.

– Я вымыла и прибрала весь дом. Съездила за продуктами, купила ёлку. Как мужик это всё тащила к машине, затем в дом. Все с мужьями это делают. А я одна. Орлов, я везде одна, ну сколько можно?

– Свет, успокойся, – Орлов приготовился к длительным объяснениям, – Ты могла этого всего не делать. Я бы приехал, и завтра, всё спокойно бы купили и тебе не пришлось бы ничего на себе таскать.

– Это вместо благодарности?! Ну, ты и сволочь Орлов. Я на себе всё тащила, чтобы к твоему приезду всё было готово, чтобы завтрашний день дома с мужем провести, а ты мне говоришь, что я всё это зря делала.

– Света, я прошу тебя – успокойся. Я не говорю, что зря. Ты герой, а я плохой муж, но позволь...

– Не позволю, вот именно, ты плохой муж! Нам надо развестись, я больше так не могу, – последние слова Света говорила с горечью, с дрожью в голосе не пытаюсь скрыть слёзы.

– Так, хорош. Я в дороге, не нервируй меня. Сейчас ты успокоишься, я перезвоню и мы договорим. Пока. – Орлов

отключил телефон, но всё же успел услышать, что Света перешла на крик и с нескрываемым раздражением бросила:

– Не смей бросать трубку, я ещё не всё сказала...

– Всем надо успокоиться, – дал себе установку Орлов и сосредоточился на дороге. Впереди наконец появились огоньки Ростова-Великого.

Со своей бедующей женой Орлов познакомился в ночном клубе. Света Буйницкая приехала с Кубани, поступила в МГУ на экономический факультет и успешно сдала первую сессию. Перед тем, как отправиться на каникулы в родной город к родителям, Света с подружками первый раз в жизни пришла в ночное заведение, чтобы отметить успешно сданные экзамены. По своей натуре Света была очень домашняя спокойная девочка, которая еще в школе шумным компаниям предпочитала книжку или увлекательный вечер на кухне с мамой за приготовлением какого-нибудь оригинального мяса, нового салата или сладкого пирога. Школьные подруги Светы удивлялись, такая красавица, а прячет себя от всех. Светлана Буйницкая была настоящей кубанской казачкой: высокая, статная, белозубая, улыбчивая девушка, с черной косой до пояса, невероятно приятными чертами лица и шикарной грудью, не смотря на тонкую кость, осиную талию и благородство в осанке. Есть такая байка, что кубанские земли в свое время Екатерина вторая раздавала своим гвардейцам, охранявшим двор и её величество, за преданность и безупречную службу. Гвардия вся сплошь была из молодых

князей и дворян, отпрысков знатных семей, молодых аристократов. Служба в гвардии, как и в армии в целом – это честь, которую нужно было еще заслужить. Поэтому во времена царей при слове Русский офицер врагов России трясло, потому что все знали, что для Русского офицера честь и долг прежде всего, а жизнь и счастье – это уж как повезет, поэтому воевали дворяне героически, не щадя себя и не боясь умереть, одним своим присутствием, наводя страх и ужас на врагов своих, словно спартанцы, успех побед которых был в том, что каждый из них был готов умереть именно в этом бою. Так вот, отпрыски знатных родов получали земли, но служить продолжали при дворе, лишь в отпуск наездами посещали свои земли, где отдыхали, охотились, пили, гуляли, да девок местных портили. Так с легкой руки Екатерины второй и завезли на Кубань породу из лучших русских кровей. Возможно поэтому так много красивых мужчин, а особенно женщин на Кубани и во всем Краснодарском крае. Света была ярчайшим подтверждением этой легенды русского юга. Помимо красоты и стати у неё был мягкий приятный голос, глаза источали спокойствие и уверенность, но лишь до того момента, пока её не выведут из равновесия. В гневе она была страшна и криклива, как все казачки. В семье у Светы была еще младшая сестра, Даша, такая же красавица, умница, но в отличие от старшей сестры ей нравились компании, путешествия, поездки, у неё было много друзей, еще больше ухажеров и поклонников. Даша полностью оправдывала

свою фамилию. Её с детства в школе все любя называли Буня и когда Орлов со Светой первый раз приехал к Буйницким, чтобы познакомиться с родителями, Даша, немного изучив будущего зятя, безапелляционно заявила:

– Тебе на мне надо было жениться. У меня и грудь побольше, – подмигнула она.

Все конечно посмеялись, но мать Светы, женщина мудрая, призадумалась, а ведь и правда, к Светке ведь подход нужен, хватит ли терпения у парня.

Орлов сложный характер Светланы видел сразу, но успокаивал себя тем, что она просто еще молода, а потому строптивая. С возрастом обтешется, успокоится, помудреет и всё будет хорошо. Всё в общем-то и сложилось хорошо, но путь к благополучию был долгим, тяжелым и как выяснилось со временем, благополучие получилось коротким.

Орлов познакомился со Светой буднично. Увидел в ночном клубе очень красивую молоденькую девочку и пригласил её танцевать. Как только он взял её руку и слегка притянул к себе за талию, еще больше ощутив её женственность и красоту, его словно пронзило: «Будет моей женой»!

Это была любовь с первого взгляда. После танца он пригласил её в бар выпить, на свету разглядел еще внимательней её сногшибательную красоту и, не веря в свое счастье, весь остаток ночи провел с ней и её подругами. Под утро он развёз студенток по домам, днём проводил Свету на вокзал и стал с нетерпением ждать, когда закончатся зимние кани-

кулы и девушка вернётся в Москву.

Девушка вернулась, но роман развивался не бурно. Орлов к тому времени был уже хозяином собственной фирмы. Был далеко не бедным, мог к ногам прекрасной казачки бросить любые театры, рестораны, ночные клубы и прочие прелести столицы, которых в Москве в конце девяностых было уже с избытком. Но Свете всё это было не очень нужно. Она посещала все занятия в университете, серьезно готовилась к семинарам, зачётам и экзаменам, много времени проводила в библиотеке и все изыски московской жизни с таким бывалым провожатым, как Орлов её не могли ни искушить, ни соблазнить. Естественно, Орлову это только нравилось. Она не повелась на его деньги, на его возможности. Не попыталась на него свесить свои проблемы. Она продолжала жить в общепитии, хотя могла переехать к нему или попросить снять ей квартиру, она никогда не просила у него денег, сдержано, с благородством принимала его подарки, на что Орлов всегда удивлялся:

– Ну как так, кольцо с брильянтом, она воспринимает, как что-то обычное, будто она принцесса и любимая дочь короля и этих безделушек у неё сотни!

Врожденное благородство, хотя Орлову и непонятно было, откуда оно у неё. Чувство такта. Домовитость, Орлов понимал, что такую хозяйку как она, он вряд ли когда еще встретит, а для его будущих детей матери лучше не найти и вовсе. Доброта и нежность по отношению к нему, надёж-

ность, которую источал каждый поступок Светы, каждое её действие или суждение, её основательность – никаким походом в театр, никаким ночным клубом и даже полётом на выходные в Европу невозможно было заманить её на свидание, если она решила что-то поучить или чем-то позаниматься. Всё это неминуемо привело к тому, что Орлов сделал ей предложение.

Ещё учась в «Кульке» Орлов для себя решил, что у него никогда не будет жены актрисы, художницы, поэтессы, балерины или журналистки. Среди подобных он учился пять лет. Творческие натуры они хороши для дружбы, для мимолетных и не очень продолжительных романов, для вдохновения, для влюбленности, но не для жизни. Для жизни не нужны поэтессы, которые пишут гениальные стихи, но при этом спят до пяти вечера, и весь день сидят только на кофе и сигаретах. Сложно построить семью и с актрисой, которая целыми днями и ночами пропадает в театре, на кастингах, на пробах, на репетициях и живет не земной жизнью, а только своей профессией. Или художницей, которая будет утром сиять от счастья, что ночью у неё было видение и она до рассвета писала, зато на вопрос – «А, что у нас на завтрак?», может всерьез обидится и несколько дней не разговаривать. Для обычной жизни эти дамы были не пригодны. Орлов и сам был во многом таким как они, поэтому еще в юности у него хватило ума понять, что семейная жизнь – это каждодневный труд и в семье хоть кто-то должен твердо стоять на

ногах, а не витать в небе.

Свадьбу в начале сентября, теплым осенним днем Орлов закатил с размахом, с лимузинами, с шикарным рестораном, с салютом, с известными артистами. Он так часто это делал для других, что весьма основательно набил руку и из своей свадьбы сделал настоящий праздник. Гостей на торжество было приглашено двести человек. Немного родственников со стороны Орлова, у Орлова их в принципе было немного, а вот со стороны Светланы родственников было человек пятьдесят. И у Светиноного отца и у матери были очень большие семьи, где было по многу детей. У матери, Аллы Сергеевны, в семье было еще две сестры и два брата. У отца Петра Михайловича Буйницкого тоже было два брата и младшая сестра. У всех у них были дети, а у кого-то уже и внуки. В ресторане, дружному казачьему хору был накрыт целый стол. Ещё за одним столом сидела молодежь, Светины подружки с Кубани, одноклассники из МГУ и друзья Орлова, которые с интересом посматривали на красивых загорелых казачек в потрясающих платьях, скрывавших и подчёркивающих сногшибательные фигуры девушек. Так же на свадьбу Орлов пригласил партнеров по бизнесу, своих однокашников по «Кульку», пацанов с кем рос в одном дворе, друзей, с кем учился в школе, в общем, от своей свадьбы Орлов получил огромное удовольствие. Это было так удивительно, в одном месте собрать столько близких и родных людей, которые сопровождали тебя с самого детства.

Как и положено, свадьба гуляла до глубокой ночи, затем молодежь двинулась развлекаться дальше. На следующий день все самые близкие родственники и друзья собрались в небольшом ресторане в центре Москвы. На третий день Орлов накрыл стол своему офису, потому как именно московский офис организовал сказку своему босу, а бос, остался очень доволен и наконец, ранним утром на четвертый день торжеств Орлов с молодой красавицей женой в четыре тридцать утра из Домодедово улетел в свадебное путешествие на сказочный остров в Карибском море с колоритным названием Барбадос. Тогда Антильские острова и Барбадос в частности были в моде у московского бомонда и Орлов, следуя модной тенденции, купил путёвки в «Рай на земле», именно так Барбадос позиционировали все рекламные туристические проспекты, чтобы своими глазами увидеть розовые кораллы, бухты с белым песком, уникальный подводный мир островов Карибского моря и легендарную экзотическую культуру островитян, которая сложилась под воздействием климата, моря, а так же южно-американского и латино-американского влияния. Свадебное путешествие было продолжением сказки, которая началась в Москве. Молодая красавица жена была просто счастлива. Вернувшись домой, Света через пару дней начала учиться, она уже была на третьем курсе, а Орлов погрузился в работу. Теперь у него была семья, денег нужно было больше, да и свою двушку в спальном районе Москвы он планировал в обозримом буду-

щем поменять на что-то подходящее.

Первые шесть лет всё было гладко. Семья жила в мире и в покое, именно так, как и мечтал Орлов. Света закончила университет, поступила в аспирантуру. Бизнес Орлова креп и разрастался, Света во всем помогала. Они часто бывали за границей, много отдыхали и путешествовали. Орлов, как и планировал, купил большую квартиру и на востоке Московской области в пятидесяти километрах от столицы построил шикарный загородный дом. Света защитилась, стала кандидатом экономических наук. Руководство всеми офисами, а по сути, и всей компании, она взвалила на себя. Орлов её не принуждал, она сама так захотела. Теперь Светлана Орлова была начальником штаба, а Орлов полностью сосредоточился на vip-клиентах. Богатые иностранцы доставляли много хлопот, работы было много, но это не могло не радовать Орлова. Семья и бизнес процветали, а что ещё надо. Мужчине славен тем, что он создал, поэтому Орлов был полностью доволен своей жизнью и даже счастлив. Шесть лет они со Светой очень увлекательно жили, всё время к чему-то стремились, всё время были какие-то вершины к которым они шли: купить новую квартиру, защитить диплом и закончить университет, купить себе новые машины, поднять филиалы своей компании в Питере и в Иркутске, построить дом, посадить сад и разбить лужайку, стать кандидатом экономических наук..., но в какой-то момент завоевания закончились, или просто жизнь впала в стабильное русло и невыносимая

легкость бытия стала превращаться в обычную рутину. Они продолжали много работать, старались больше путешествовать, но всё замкнулось в какой-то круг, работа, дом, поездки. Иногда выбирались пожить в загородный дом, но это вносило небольшое разнообразие в жизнь. Всё свелось к тому, что Света закапывалась в делах компании, а Орлов с клиентами стал всё чаще и чаще надолго отлучаться из дома. Начались первые скандалы. В них впервые в полный рост проявился Светин несносный характер. Она была идеальной женой в спокойной жизни и никакой опорой, когда начинались проблемы. Она абсолютно не держала удар. Она быстро заводилась, впадала в раж, совершенно не владела собой и в гневе могла наговорить такие вещи, за которые людям воспитанным долго могло быть стыдно. Она же не испытывала стыда и уж тем более не испытывала чувства вины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.